

ТАИСИЯ ЛОГОВСКАЯ

ДВЕ ПОПАДААНКИ,
или
УДАЧА ЛЮБИТ ПРОСТУШЕК

Таисия Логовская

**Две попаданки или
Удача любит простушек**

«Автор»

2026

Логовская Т.

Две попаданки или Удача любит простушек / Т. Логовская —
«Автор», 2026

Виктория привыкла всё просчитывать — и хронически попадает в неприятности. Надя ничего не усложняет — и хронически выходит сухой из воды. Один странный жетон забрасывает подруг в магический Беллор, где им дают тридцать дней, разваленную лавку и шанс остаться. Чтобы получить постоянную лицензию, двум попаданкам нужно закрыть семь чужих проблем, не оставить ни одной претензии и пройти Фестиваль Удачи. Но чем хитрее план Вики, тем охотнее мир подставляет ей ножку, а удача Нади работает только тогда, когда сама Надя знает, чего хочет. Впереди — нелепые заказы, честная конкурентка, невозмутимый инспектор, мастер бытовых чар и две очень разные истории любви. А главное — подругам придётся понять, можно ли вести общее дело, если одна привыкла решать за двоих, а вторая вовсе не собирается быть чужим талисманом.

© Логовская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Таисия Логовская

Две попаданки или Удача любит простушек

Глава 1

Виктория

Любая безупречная диверсия должна выглядеть как несчастный случай. Если клиент или конкурент хотя бы на секунду заподозрят, что за сорванным занавесом, погасшим софитом или рухнувшей стойкой стоял живой человек с таймером в руках, — грош цена организатору.

Я стояла за фанерной декорацией средневековой башни, прижимала к уху отключенную рацию и профессионально не моргала.

День города, историческая ярмарка в старом парке, тридцать градусов в тени и главный тендер сезона на кону. Через пятьдесят метров, на помосте из нестроганных сосновых досок, Стелла Ромашина — моя личная профессиональная изжога последних трех лет — вдохновенно врала в микрофон потенциальному инвестору.

Инвестора звали Илья Борисович. Был он кругл, богат, носил льняной костюм цвета неотбеленного холста за три тысячи евро и патологически ненавидел непрофессионализм. Тот, кто заберет его контракт на осенний фестиваль усадебной культуры, мог смело закрывать ипотеку, покупать путевку на Мальдивы и нанимать личного психотерапевта. То есть этим человеком обязана была стать я.

— Виктория Сергеевна, вы только не нервничайте, — раздалось прямо над моим ухом.

Я вздрогнула, едва не сбив локтем бутафорский алебастровый герб.

Рядом со мной стояла Надя. Моя бессменная помощница, реквизитор, логист и ходячее опровержение всех известных законов физики. На Наде был просторный сарафан в мелкую ромашку, растоптанные кеды и хлопчатобумажная панамка, надетая с таким видом, будто мы вышли полоть укроп на бабушкиной даче, а не вели войну за семизначный бюджет. В пальцах Надя держала надкусанный чебурек, от которого одуряюще пахло жареным луком и бараниной.

— Надя, — прошипела я, не поворачивая головы, чтобы не сбить ракурс наблюдения. — Отойди с чебуреком от кулис. Если жир капнет на бархат, мы не получим неустойку с прокатчиков.

— Не капнет, — спокойно ответила Надя и откусила еще кусок. — Я салфетку подложила. Вы лучше попейте. Там у полевой кухни лимонад раздавали. Бесплатно, представляете? Сказали, у них кран заело, ведрами сливают, лишь бы бочка не лопнула. Я три стакана взяла.

Я выразительно посмотрела на нее.

Надя Морозова обладала уникальным свойством: мир вокруг нее постоянно расступался, чтобы выдать ей теплое место, бесплатный лимонад, свободное парковочное место в центре Москвы в пятницу вечером или последний эклер с витрины. При этом Надя никогда ничего не просила и не планировала дальше обеденного перерыва.

Я же планировала все. Каждую секунду своей тридцатилетней жизни я выверяла, рассчитывала, страховала и перезакладывала в смету. Я знала три языка, правила протокольной рассадки королевских домов Европы, имела безупречное каре, стрелки, способные резать стекло, и тугой деловой костюм, который сидел на мне как вторая кожа даже в этот душный июльский полдень.

И мне хронически, методично, дьявольски не везло.

Если в радиусе пяти километров начинался дождь, первая капля всегда падала на мой свежешукоженный пробор. Если у поставщика задерживалась одна фура из пятидесяти, в ней гарантированно лежали именные бейджи для генерального директора. Я привыкла выигрывать

исключительно умом, железной хваткой и привычкой просчитывать десять вариантов катастрофы на шаг вперед.

— Надя, трос на месте? — уточнила я, возвращаясь взглядом к помосту Стеллы.

— На месте, — кротко отозвалась помощница, вытирая пальцы влажной салфеткой. — Я его закрепила за балку, как вы велели. Только карабин там хлипкий был, советский еще. Я его сняла от греха.

У меня внутри неприятно кольнуло.

— В смысле — сняла? На чем держится натяжка?

— Да на железке такой, — Надя полезла в холщовую сумку и вытащила связку ключей, изоленту, полпачки печенья и тяжелый, тускло мерцающий предмет размером с ладонь. — Я у старьевщика в крайнем ряду купила. Красивая штука, тяжелая. Он за нее полтинник просил, а потом говорит: «Забирай даром, дочка, она у меня третий год на прилавке пылится, место занимает». Я ее как противовес приладила и шнуром обмотала. Держит мертво.

Я машинально глянула на предмет. Это был массивный диск из темного, шершавого металла, покрытый странным переплетающимся узором, напоминающим змеиную чешую. Посередине шла тонкая ломаная трещина, словно вещь когда-то раскололи пополам, а потом идеально притерли части обратно. Металл не был похож на латунь или чугун — от него исходило странное сухое тепло, от которого волоски на предплечьях встали дыбом.

— Надя, это бутафория, — отрезала я. — Зачем ты суешь антиквариат в рабочий узел?

— Так надежно же! — искренне удивилась она. — Сами говорили: противовес должен быть не меньше трехсот граммов, иначе фальш-панель не отойдет плавно. А этот кругляш граммов на пятьсот потянет. И веревка там толстая, пеньковая.

На помосте Стелла взяла верхнюю ноту:

— ...именно поэтому наша концепция исторической реконструкции опирается на подлинность! Никакого дешевого пластика, дорогие гости! Только аутентичные механики прошлого! Прошу обратить внимание на церемониальный штандарт гильдии оружейников!

Илья Борисович вежливо приподнял бровь, поправляя панаму.

Мой план был прост, как выстрел в упор, и совершенно легален. Стелла экономила на всем: монтажников наняла по объявлению за шаурму, баннеры натянула на сопливые пластиковые хомуты. Я лишь слегка помогла гравитации: пеньковый шнур оттягивал страховочный фиксатор ее баннерной рамы. В момент, когда Стелла торжественно дернет за золоченую кисть, ее великолепный шелковый герб должен был не развернуться, а с глухим стуком сползти на пол, обнажив криво сколоченные строительные леса с надписью краской из баллончика: «Шурик — лох».

После этого на сцену должна была выйти я — с безупречными чертежами, готовой сметой и готовым резервным проектом под мышкой. Илья Борисович оценил бы контраст.

— Пора, — скомандовала я себе под нос. — Надя, стой здесь. Ничего не трогай. Руки держи в карманах.

— Да я и не трогаю, — покладисто отозвалась Надя, шурша конфетным фантиком.

Я подобралась к основанию нашей бутафорской башни. Отсюда отлично просматривался направляющий блок. Тонкая леска уходила через ветку старого вяза прямо к узлу с Надиной тяжелой железкой. Оставалось только слегка дернуть за контрольный конец — и физика сделает свое дело.

Стелла схватилась за золотую кисть.

— Момент настал! — пропела она в микрофон.

Я потянула леску.

Она должна была плавно скользнуть по ветке. Легко, бесшумно, элегантно.

Но это была моя жизнь. Поэтому в ту же секунду, с точностью до десятой доли мгновения, на ветку вяза с истошным карканьем спикировала жирная городская ворона. Птица не

просто села — она с размаху врезалась грудью в натянутую леску, запуталась в ней лапой, запаниковала и со всей дури рванула вверх.

Ветка спружинила.

Вместо легкого натяжения произошел рывок чудовищной силы. Пеньковый шнур пере-хлестнуло. Надин «противовес» сорвался со своего крюка, но полетел не вниз, а по невероятной траектории маятника — прямо в несущую стойку нашей собственной фанерной башни.

— Вика! — испуганно пискнула Надя.

— Спокойно! — рявкнула я, чувствуя, как внутри закипает ледяная ярость.

План трещал по швам, но отступить сейчас значило расписаться в собственной беспомощности. Я шагнула вперед, собираясь перехватить раскачивающийся шнур рукой. Обычная фанера. Обычный узел. Я удержу эту чертову декорацию, даже если придется подпереть ее плечом, а потом...

Шнур хлестнул меня по ладони.

Пальцы обожгло. В следующий миг Надин металлический диск с глухим щелчком врезался в металлическую стяжку помоста. Раздался не деревянный треск — раздался звон, от которого заломило зубы.

Тонкая трещина посередине диска вспыхнула ослепительным, едким сине-зеленым светом.

— Ой, — сказала Надя где-то позади меня. — Оно светится.

— Брось его! — крикнула я, оборачиваясь.

Поздно. Фанерная башня, повинаясь какому-то дикому закону цепной реакции, не упала на траву — она сложилась внутрь, увлекая за собой трос, баннер, верхнюю перекладину и меня вместе с ними. Я споткнулась о собственный безупречный подол, взмахнула руками, пытаюсь удержать равновесие, и инстинктивно вцепилась в то единственное, что оказалось рядом.

В Надину руку.

Вторая рука Нади судорожно сжимала злосчастный диск, который вдруг раскололся надвое с сухим щелчком спелого ореха. Одна половина осталась в ее кулаке, вторая — брызнув искрами мне под ногти — намертво прилипла к моей ладони.

Воздух вокруг нас лопнул.

Звук ярмарки — музыка из колонок, визг детей, далекий голос Стеллы — мгновенно исчез, сменившись утробным, басовым гулом, от которого задрожали кости. Земля под ногами не просто ушла — она растворилась, превратившись в воронку из скрученного серого тумана и свистящего ледяного сквозняка.

Я успела подумать три вещи: Первая: Илья Борисович никогда в жизни не подпишет этот контракт. Вторая: на мне новые туфли из натуральной замши за сорок тысяч рублей. Третья: если мы выживем, я лично заставлю Надю съесть этот дурацкий металлический круглык без соли и майонеза.

Мы падали всего секунду. Или вечность.

Пространство вокруг вывернулось наизнанку, пахло горьким печным дымом, жженым сахаром, сырым речным камнем и конским навозом. Сверху ударило яркое, слишком теплое полуденное солнце.

Гравитация вернулась с грацией падающего рояля.

— А-а-а! — успела выдохнуть я.

Плюх!

Вода была холодной, мутной и густо пахла тиной. Я ушла на дно с головой, мгновенно хлебнув носом и ртом горьковатой влаги, ударилась коленом о скользкую каменную кладку и вынырнула, отчаянно отплевываясь и молотя руками по поверхности.

Брендовый пиджак набряк, превратившись в пудовую броню. Тщательно уложенное каре облепило лицо мокрыми черными водорослями, а на ресницах повисла какая-то зеленая склизкая дрянь.

Я судорожно вцепилась в каменный бортик и встала на ноги. Воды здесь было чуть выше пояса.

Это был фонтан. Огромный, круглый, сложенный из замшелых серых глыб, с чашей посередине, из которой лениво сочилась тонкая струйка.

Вокруг царил абсолютная, звенящая тишина.

Я протерла глаза кулаком — вторая половина металлического жетона все еще была намертво зажата в пальцах, холодя кожу, — и огляделась.

Никакого московского парка. Никаких палаток с шаурмой и пластиковых баннеров.

Вокруг раскинулась широкая круглая площадь, мощенная крупным булыжником. Вокруг стояли двух- и трехэтажные дома с фахверковыми фасадами, черепичными островерхими крышами и вывесками из кованого железа, на которых были нарисованы сапоги, ножницы, кружки и крендели. В воздухе висела ярмарочная суета, застывшая на полувздохе. Сотни людей в полотняных рубахах, кожаных жилетах, длинных шерстяных юбках и фартуках замерли с открытыми ртами, уставившись на фонтан.

Точнее — на меня.

— Надя... — сипло выдавила я, выплевывая изо рта лист кувшинки. — Надя, где ты?

— Я здесь, Виктория Сергеевна, — раздался знакомый, невозмутимый голос справа.

Я повернула голову, с трудом преодолевая сопротивление намокшей шерсти.

На краю фонтана, на грубо сколоченном дощатом помосте пекарни, стояла Надя. Она не упала. Она даже не испачкалась. Она приземлилась прямо на мягкую гору чистых холщовых мешков с мукой, аккуратно съехала по ним на ноги и теперь хлопала круглыми глазами.

Более того: в руках у Нади дымился огромный, румяный, источающий аромат корицы и яблок пирог на плетеной берестяной тарелке. Рядом с ней сидел на корточках пожилой усатый пекарь в белом колпаке; его руки все еще оставались в воздухе в той позе, в которой он этот пирог нес, пока Надя не свалилась ему буквально в объятия и механически не перехватила выпечку.

— Ты... — я задохнулась от возмущения, булькнув водой. — Ты цела?!

— Вроде да, — Надя посмотрела на пирог, потом на пекаря, потом на меня. — Теплый еще. Виктория Сергеевна, а мы где? Это павильон «Мосфильма»? А почему навозом пахнет по-настоящему?

Я не успела ответить.

Толпа горожан синхронно ахнула и подалась назад. По булыжникам площади зазвучали тяжелые, размеренные шаги подкованных железом сапог.

Люди торопливо расступались, освобождая дорогу.

К бортику фонтана подошел высокий, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти. На нем был плотный колет из темной потертой кожи с нашитыми стальными пластинами на плечах, широкий пояс с ножнами и латунная бляха на груди, изображавшая весы и раскрытую ладонь. У него были коротко стриженные темные волосы с легкой проседью на висках, жесткая линия челюсти и серые, удивительно цепкие глаза.

Он остановился у самого бортика, опустил взгляд и уставился прямо на меня.

В его взгляде не было ни священного трепета перед явлением прекрасной незнакомки из воздуха, ни испуга, ни даже банального мужского интереса к промокшей до нитки женщине с декольте. В этих глазах читалась только бездонная, многовековая, чисто чиновничья тоска.

Мужчина медленно перевел взгляд с моего перекошенного лица на облепленный тиной пиджак, затем на фонтанную воду, в которой плавали обрывки моего блокнота, и, наконец, тяжело вздохнул.

— Гражданка, — произнес он низким, сухим голосом, не предвещавшим ничего хорошего. — Вы находитесь в резервуаре питьевой воды Нижнего рынка города Беллор. Купание, стирка белья и несанкционированное падение из верхних сфер караются штрафом в три серебряных гроша либо двумя днями общественных работ на очистке сточных канав.

Я медленно подобрала челюсть, стряхнула с носа каплю и попыталась включить свой фирменный взгляд женщины, с которой нельзя разговаривать подобным тоном.

— Послушайте, любезный... — начала я, стараясь, чтобы зубы не стучали от холода.

Мужчина даже не дослушал. Он полез за пазуху, вытащил деревянную дощечку с прижатым металлическим зажимом пергаментом, достал угольный грифель и равнодушно уточнил:

— Имя. Город приписки. И немедленно освободите чашу источника. Вы забываете слив.

На помосте пекарни Надя осторожно отщипнула кусочек румяной корочки от чужого пирога, сунула в рот и тихонько вздохнула:

— Очень вкусно. Виктория Сергеевна, кажется, мы не на ВДНХ.

Глава 2

Надя

Виктория Сергеевна всегда повторяла на планерках: главное в любом кризисе — держать лицо.

Сейчас ее лицо украшала серо-зеленая полустгнившая кувшинка, сползшая прямо на левую бровь. Фирменная тушь, которую Вика нахваливала три дня назад за водостойкость, сдалась первой и растеклась под глазами аккуратными траурными полукружиями. Пиджак из тонкой итальянской шерсти надулся в мутной воде, как утопленный матрас, а из рукава, когда Вика попыталась опереться о каменный парапет, с хлоппаньем выплеснулась струя тины.

Я сидела на трех сложенных друг на друга холщовых мешках. Мешки были туго набиты пшеничной мукой мелкого помола — мягкой, сухой и прохладной.

В руках я держала плетеную берестяную тарелку. На ней лежал пирог. Он был еще горячим, пах кислыми мочеными яблоками, корицей и топленным сливочным маслом. От него шел тонкий, дрожащий на солнце парок.

Рядом со мной стоял пекарь. Мужчина лет пятидесяти, с пышными усами цвета просеянных отрубей и в белом холщовом колпаке, на котором отпечатался след чьего-то пальца в саже. Он смотрел то на свои пустые ладони, то на меня, то снова на пустые ладони.

— Доченька... — выдохнул он наконец так тихо, будто боялся спугнуть бабочку. — Ты откуда ж взялась? Я ж его только из печи вынул. Несу на пробу старшине гильдии, оступился о порожек, лечу носом в булыжник... А тут — ты. Сверху. Как пушинка. И пирог перехватила, даже корочка не помялась.

— Я не пушинка, дяденька, — вздохнула я, чувствуя, как под подошвами кед приятно шуршит рассыпанная мука. — Во мне шестьдесят четыре килограмма при росте сто шестьдесят восемь. Просто у вас навес брезентовый удачно натянут, я об него спружинила. А пирог... Ну жалко же, упадет на камни, раскрошится. Возьмите обратно.

Я протянула ему тарелку, но пекарь испуганно отшатнулся и прижал руки к фартуку.

— Не-не-не! Ты что, обидеть хочешь? В канун праздника Удачи хлеб из рук благословенной отнимать? Ешь, доченька, на здоровье. Только скажи: урожай нынче добрый будет?

— Огурцы точно отойдут рано, дожди холодные были, — машинально ответила я, глядя через площадь на фонтан. — Вы лучше вон туда посмотрите. Кажется, мою начальницу сейчас будут бить.

Бить Victорию Сергеевну, впрочем, пока никто не собирался. Но обстановка вокруг фонтана складывалась не в пользу представительниц малого бизнеса Москвы.

Толпа на площади стояла плотная, пахнувшая овчиной, свежееиспеченным ржаным хлебом, дегтем и конским потом. Женщины в широких юбках поверх льняных рубаш прижимали к себе корзины с репой и зеленью, плотники с топорами за поясом переглядывались, а двое мальчишек в стоптанных кожаных постолах откровенно тыкали в Вика пальцами.

— Ведьма! Из неба выпала, вода в чаше закипела!

— Какая ведьма, глянь на одежду — ни одного оберега, штаны узкие, как у скомороха!

— А волосы-то, волосы черные, как смоль! Точно с морока пришла!

У самого бортика фонтана замер высокий мужчина в кожаном колете с латунными бляхами. Он держал в руке деревянную дощечку с пергаментом и смотрел на Victорию Сергеевну так, как завгар на автобазе смотрит на практиканта, утопившего казенный трактор в пожарном пруду.

— Повторяю для глухих, — ледяным, дрожащим от ярости голосом произнесла Вика, пытаясь вылезти из чаши. Каблук ее модельной туфли предательски соскользнул с осклизлого камня, и она снова плюхнулась в воду по пояс, подняв тучу брызг. — Мы — официальные

организаторы столичного фестиваля. Произошел технический сбой пиротехнического оборудования и обрыв подвесной системы. Немедленно пригласите сюда старшего группы, организуйте нам сухую одежду, теплое питье и телефон. Я требую связаться с консульством!

Мужчина даже бровью не повел. Он что-то быстро чиркнул грифелем по пергаменту.

— Отказ назвать имя и город приписки. Оскорбление при исполнении обязанностей инспектора торговой безопасности. Нарушение чистоты резервуара общего водопоя. Итого: четыре серебряных гроша либо три дня отработки на осушении канавы у Кожевенного моста. Стража, принять нарушительницу.

Из толпы выделились двое здоровенных парней в кольчужных безрукавках и с круглыми деревянными дубинками на перевязях.

Я поняла: если сейчас не вмешаться, Вику отправят в местное СИЗО до выяснения обстоятельств. А в мокрой шерсти при сквозняке воспаление легких развивается за двенадцать часов. Лекарств у нас нет, полиса ОМС здесь явно не спрашивают, а хоронить начальницу в чужом измерении в мои должностные обязанности точно не входило.

Я сунула пирог под мышку, спрыгнула с мешков и решительно зашагала к фонтану. Юбка сарафана легонько хлопала по икрам, кеды мягко ступали по булыжникам. Толпа передо мной расступалась сама собой — люди испуганно и почтительно жались к стенам домов, глядя то на меня, то на пирог.

— Стойте! — громко сказала я, протискиваясь между двумя стражниками. — Подождите секунду. Никуда ее вести не надо.

Инспектор медленно повернул голову. Глаза у него были серые, холодные и очень усталые. Он оглядел меня с головы до ног: панамку, сарафан в ромашку, растоптанные парусиновые кеды и яблочный пирог.

— А вы кто будете, гражданка? — сухо поинтересовался он. — Вторая часть атмосферного возмущения?

— Я Надежда, — представилась я, вытирая ладонь о бок. — А это Виктория. Мы вместе работаем. Она не ведьма, она просто директор агентства, у нее нервы. И никаких денег у нас нет. Ни серебряных, ни медных.

— Надя! — прошипела из воды Вика, отплевываясь. — Замолчи! Не смей раскрывать финансовый статус перед силовыми структурами!

— Вика, заткнись, пожалуйста, — так же спокойно ответила я, не поворачиваясь. — Ты сидишь в луже с тиной на ухе. Какой финансовый статус? У тебя в сумочке три тысячи рублей, помада и зеркало. Здесь этим даже печку не растопят.

Я повернулась обратно к инспектору:

— Господин начальник, мы правда ничего не нарушали специально. У нас на ярмарке птица запуталась в веревке, декорация упала, стукнула вот эту штуку... — я разжала кулак и показала ему темный, шершавый обломок жетона, который все еще лежал в моей ладони. — Оно заискрило, нас закрутило, и мы упали сюда. Если вы ее сейчас посадите в сырой подвал, она заболеет. Давайте мы лучше этот фонтан помоем? Тряпки найдем, воду вычерпаем. Я дома ванну отлично содой оттираю, ни следа ржавчины.

Мужчина посмотрел на обломок металла в моей руке. Его зрачки на долю секунды сузились, но лицо осталось непроницаемым.

— Чаша источника моется силами гильдии водовозов по средам, — отрезал он, но дубинки стражникам опустить все же махнул. — А незаконное проникновение через верхний контур без подорожной грамоты — дело не мое, а городской управы. До выяснения личности вы обе поступите...

— Да подожди ты со своей управой, Радан, дай бабе просохнуть, — раздался за нашими спинами звучный, густой женский голос.

Толпа снова колыхнулась.

К фонтану подошла женщина лет пятидесяти. Она была плотной, статной, с широкими плечами и уверенной купеческой походкой. На ней было надето добротное платье из темно-зеленого сукна, поверх которого лежал тяжелый передник с глубокими карманами, а на массивной груди покачивалась литая серебряная цепь с круглой гильдейской печатью. Волосы цвета мокрого песка были убраны под тугой чепец, а темные, цепкие глаза ощупывали нас с Викой быстрее, чем сканер в аэропорту.

— Госпожа Орм, — инспектор слегка склонил голову, но пергамент не убрал. — Это нарушение порядка торговой площади.

— Вижу, что не благословение господне, — хмыкнула женщина, подходя ближе. Она мельком глянула на мокрую, злую, как черт, Вику, потом перевела взгляд на меня, на пирог в моих руках и, наконец, на металлический диск.

Ее брови медленно поползли вверх.

— Откуда вещица, девонька?

— Купила, — честно призналась я. — На развале. За бесплатно старьевщик отдал, сказал, три года валялась.

Женщина протянула руку в перстнях, коснулась шершавого края диска кончиком пальца, тут же отдернула руку и коротко цокнула языком:

— Надо же. Слыхала я стариковские сказки про переходные метки... Думала, брешут пьяные менестрели в тавернах. А оно вишь как. Раскололся?

— На две части, — кивнула я. — Вторая у Виктории Сергеевны.

Вика в фонтане судорожно сжала кулак, пряча свою половину за пазуху мокрого пиджака.

— Значит так, Радан, — госпожа Орм повернулась к инспектору и уперла руки в пышные бока. — Воду они не отравили, пекарь Себастьян вон до сих пор слюни пускает от восторга, что пирог цел остался. Девки чужие, голые, без гроша за душой. В кутузку их сунешь — гильдия за их похлебку платить должна? Не должна. Я беру их под поручительство квартала.

— Госпожа Серафина, — с нажимом произнес инспектор, и я впервые заметила, как у него на скулах заходили желваки. — У них нет регистрации чужеземок. Без разрешения коменданта они не имеют права находиться на территории рынка дольше заката.

— Оформляй временный надзор на тридцать дней, — отмахнулась Серафина Орм. — Как раз до конца Фестиваля Удачи. У меня на улице Медников лавка три года пустует после того, как старый жестянщик помер. Крыша цела, стены стоят, а гильдейский налог капает мне в убыток. Пусть отрабатывают. Приставь их к делу. Не справятся — сам лично вышлешь за городские ворота с метлой в зубах.

Инспектор помолчал. Его серые глаза скользнули по лицу Вики, которая уже начала мелко и часто дрожать от холода, затем задержались на мне.

— Тридцать дней, — наконец произнес он сухо. — Статус временных чужеземок под гильдейским надзором. Никаких выездов за городскую черту. Любое нарушение покоя горожан — немедленный арест.

Он чиркнул по пергаменту, сорвал нижнюю полоску и сунул ее Серафине:

— Штраф за испорченную воду запишу на ваш счет, госпожа Орм. Спишете с их первой выручки. Если таковая вообще случится.

— Спишу, не сомневайся, — усмехнулась женщина и махнула нам рукой: — А ну, вылезайте, горемычные. Пошли. Пока этот законник не вспомнил, что за стояние на краю чаши тоже пошлина положена.

Вику вытаскивали вдвоем: я, Серафина и подобревший пекарь. Когда начальница наконец встала на сухой булыжник, с нее полились настоящие ручьи. Замшевые туфли жалобно чавкнули, левый каблук надломился и встал под углом в сорок пять градусов.

— Мой костюм... — глухо пробормотала Вика, глядя на рукав, с которого свисала нитка разорванного шва. — Мой «Армани»...

— Твой армани пойдет на половые тряпки, если не перестанешь ныть, — оборвала ее Серафина. — Шагайте живее, пока стража не передумала.

Беллор оказался огромным, шумным и совершенно не похожим на декорации исторического парка.

Пока мы шли по узким кривым улочкам, я крутила головой по сторонам и машинально подмечала детали. Дома стояли вплотную друг к другу, верхние этажи нависали над нижними так сильно, что полоска неба между черепичными карнизами казалась узкой голубой лентой. Пахло жареным мясом, мокрой шерстью, кислым элем, свежей стружкой и лошадьми. Ни одной машины. Ни одного рекламного щита. Даже фонари на углах были стеклянными коробами с толстыми оплывшими свечами внутри.

Люди вокруг были одеты просто, но добротно: грубое сукно, плотная кожа, крашенный лен. Никаких кринолинов и бархатных плащей со шпагами — обычный рабочий город, который с утра до вечера что-то строгал, ковал, взвешивал и продавал.

Вика хромала рядом со мной, высоко задрав подбородок, но губы у нее уже посинели. Я сняла свою сухую хлопковую панамку и натянула ей на мокрую голову.

— Надя, сними это немедленно, — прошипела она сквозь зубы. — Я выгляжу как городская сумасшедшая.

— Ты выглядишь как человек, который через пятнадцать минут упадет в обморок от переохладения, — отрезала я. — Иди молча и держись за меня. Пирог еще теплый, погрей руки о дно тарелки.

Вика покосилась на берестяное донце, помедлила секунду — и вцепилась в него закоченными пальцами.

Улица Медников встретила нас запахом медного купороса, угля и кислой капусты. Здесь было тише, чем у центральной площади. Лавки жались одна к другой: у одних дверей стояли медные тазы и помятые кувшины, у других — связки кожаных ремней и деревянные корыта.

Серафина остановилась у двухэтажного дома с облупившейся штукатуркой.

Дом выглядел... уставшим. Вывеска над дверью давно выцвела, от букв остались только белесые разводы на темном дереве. Одно из круглых толстых стекол в витрине было заменено куском промасленной холстины, а каменные ступени порога поросли густым зеленым мхом.

Серафина вытащила из кармана передника тяжелый ключ с кривой бородкой, с хрустом провернула его в ржавом замке и толкнула дубовую дверь плечом. Дверь протяжно, тоскливо взвизгнула.

Внутри пахло пылью, старым железом, сухими мышиными гнездами и сыростью.

— Вот ваши хоромы, — Серафина прошла внутрь, не снимая туфель, и уверенно оглядела просторную комнату.

Помещение было разделено пополам длинным дубовым прилавком, заваленным стружками и сухими листьями. Вдоль стен тянулись пустые стеллажи с глубокими полками. В глубине темнела чугунная печка-буржуйка с коленом трубы, уходящим в потолок, а рядом винтом поднималась узкая деревянная лестница на второй этаж.

— Наверху две каморки, — деловито перечислила хозяйка, постучав костяшками пальцев по прилавку. — Кровати есть, солома в тюфяках старая, но сухая. Колодец во дворе, общий на четыре дома. Дрова в сарае за углом, но за них платить отдельно соседу-угольщику.

Виктория Сергеевна медленно подошла к прилавку, провела пальцем по толстому слою серой пыли и закрыла глаза.

— Это сарай, — тихо сказала она.

— Это лавка в первой торговой линии Нижнего квартала, милочка, — припечатала Серафина. — И твоя единственная возможность не сдохнуть под забором. Слушай сюда внимательно, повторять не стану.

Она достала из кармана свернутый в трубку лист плотной бумаги с гильдейской сургучной печатью и шлепнула его о прилавок.

— Это временная торговая грамота. По ней вы имеете право вести дело ровно тридцать дней. Сегодня первый день. На двадцать седьмой день начнется Фестиваль Удачи. Это главный праздник Беллора. Если к утру двадцать седьмого дня вы не докажете гильдии, что ваша лавка приносит пользу и доход, грамоту аннулируют. Радан составит протокол, стража выставит вас за городскую стену, а все ваше барахло отойдет мне в счет долга за аренду и штраф за фонтан.

— Что значит — «докажете пользу»? — подала голос я, разглядывая мутные разводы на витрине.

— Это значит, что лавка должна работать, — отрезала Серафина. — Не воровать, не побираться, а закрывать заказы горожан. Семь подтвержденных гильдией сделок без единой открытой жалобы. Семь! Ни больше ни меньше. Закроете семь заказов к началу фестиваля — получите допуск к фестивальным испытаниям и шанс на постоянную лицензию. Нет — пойдете мести тракты.

— А жетон? — вдруг резко спросила Вика, открыв глаза. Ее взгляд снова стал цепким и жестким, каким бывал перед сложными переговорами с подрядчиками. — Вы сказали, это переходная метка. Как вернуться назад?

Серафина посмотрела на нее с легким прищуром.

— Назад дороги из Беллора просто так нет, милочка. Только на Фестивале Удачи раз в три года на площади зажигают древний контур перехода. Говорят, через него чужеземцы когда-то уходили в свои земли. Правда то или брехня — я не знаю. Но если ваша железка оттуда, то проверить вы это сможете только там. На фестивальной площади. В последний день месяца. Если, конечно, доживете до него свободными граждankами, а не каторжанками на каменоломнях.

Она развернулась к выходу, бросив ключ на пыльный прилавок.

— Ведро в углу. Тряпки найдете в сундуке под лестницей. Себастьян вон пирог вам подарил — на ужин хватит. Завтра утром приду проверить вывеску. Если лавка не откроется — пеняйте на себя.

Тяжелая дверь захлопнулась. Замок глухо щелкнул.

В лавке повисла гулкая, пыльная тишина. Сквозь мутное стекло пробивался косой луч заходящего солнца, в котором лениво кружились пылинки. Где-то под полом тихонько скреблась мышь.

Вика стояла посреди комнаты, обхватив себя руками за мокрые плечи. Вода с ее брюк натекла в небольшую серую лужицу.

— Тридцать дней... — прошептала она, и в ее голосе впервые за все время звякнула неприкрытая паника. — Семь заказов в чужом средневековом городе без копейки денег. Надя, чем мы будем торговать?! У нас нет товара! У нас нет связей! У нас даже сменных трусов нет!

— Зато у нас есть крыша, — рассудительно заметила я, ставя берестяную тарелку с пирогом на чистый уголок прилавка. — И печка. Сейчас я найду спички... то есть кресало, или чем они тут огонь разводят, и мы тебя согреем. Снимай пиджак, пока плесенью не пошел.

Я обошла прилавок и направилась в глубь помещения, где за деревянной перегородкой виднелась крошечная кухня.

Там царило такое же запустение: низкий закопченный очаг, пустая полка для посуды, треснувший глиняный кувшин в углу и небольшой стенной шкафчик, дверца которого перекосилась и держалась на одной кожаной петле.

Я потянула дверцу на себя. Внутри шкафчика было пусто — только сухие паутинные нити да горсть рассыпанной серой соли на доске.

Но в самом дальнем углу, за отставшей задней стенкой, что-то тускло блеснуло.

Я сунула руку в узкую щель, ободрав костяшки о шершавую дранку, и нащупала пальцами гладкий, холодный бок тяжелого предмета. Потянула осторожно на себя.

Это оказалась пузатая глиняная банка с широким горлом, залитым темным воском.

Судя по толстому слою вековой пыли, банку засунули туда давным-давно и благополучно забыли. Я скovyрнула ноготком восковую печать — она поддалась легко, раскрошившись в мелкую пахучую пыль, — и приподняла деревянную пробку.

В нос ударил густой, терпкий, невероятно родной аромат.

Пахло сильно прожаренным корнем цикория, сушеными ягодами можжевельника, гвоздикой и легкой горчинкой настоящего темного кофе.

Банка была полна до самых краев. Сухой, чистый, мелкий помол, до которого не добрались ни сырость, ни мыши.

— Вика, — позвала я из кухни, глядя на темный порошок. — Иди сюда.

— Надя, если ты нашла там дохлую крысу, я выброшусь из окна, — донесся из зала ее глухой, несчастный голос.

— Крыс нет, — ответила я, вытаскивая банку на свет. — Тут что-то вроде кофе. Целая банка. А Себастьян насыпал в кулек сухой яблочной кожуры для чая, она у меня в кармане сарафана лежит.

Я нашла на полке старый медный ковшик с длинной ручкой, проверила дно — целое, без дыр, — и улыбнулась.

— Сейчас я согрею воды, мы поедем пирога, выпьем горячего, а потом ты нарисуешь свою любимую таблицу рисков. Семь заказов — это по одному заказу раз в четыре дня. На ярмарке в Сокольниках мы за три часа сорок палаток с шаурмой расставили под проливным дождем. Неужели мы с этим городом не договоримся?

Глава 3

Виктория

Итальянская шерсть после купания в замшелом городском резервуаре и сушки над чугуновой печью повела себя именно так, как и положено ткани за три тысячи евро. Она села.

Утром мой безупречный брючный костюм выглядел так, будто его сняли с подростка-переростка: рукава едва доходили до середины предплечий, брючины сиротливо застыли на ладонь выше щиколоток, а в плечах пиджак натянулся с такой яростной силой, что любое глубокое дыхание грозило закончиться треском расползающихся швов. Каблук левой туфли я вчера собственноручно оторвала дверной ручкой, поэтому теперь передвигалась по скрипучим половицам лавки с легким, почти аристократическим припаданием на левую ногу.

Впрочем, лицо я держала. Даже без тонального крема и с волосами, собранными в тугой хвост с помощью обрывка пеньковой веревки.

— Виктория Сергеевна, вы только не дергайтесь, — донеслось из-за перегородки. — Я нашла старый гребень в комод. Зубьев половины нет, но если осторожно, то пряди почти распутались. И вот.

На прилавок опустилась щербатая глиняная кружка. От нее поднимался плотный, пахучий пар с отчетливой ноткой жженого сахара и гвоздики.

Надя выглядела пугающе свежей. На ней красовался все тот же ситцевый сарафан в мелкую ромашку, поверх которого она уже успела повязать найденный под лестницей грубый серый фартук. Пыль веков, веником выметенная из углов торгового зала, удивительным образом осела исключительно на моих манжетах, обойдя Надины щеки стороной.

— Это что? — с подозрением спросила я, приняюхиваясь к темному вареву.

— Тот самый цикорий с ягодами, — Надя смахнула невидимую соринку с дубовой столешницы. — Вода из колодца хорошая, мягкая, известкой не пахнет. Я три раза прокипятила, потом яблочные корки бросила. Сахара, конечно, нет, но если пить горячим и представлять, что это фильтр-кофе на веранде в Замоскворечье, то почти похоже.

Я сделала осторожный глоток. Горечь обожгла язык, следом раскрылась терпкая можжевелевая смола, и по пищеводу наконец-то разлилось благословенное, сухое тепло. Жить стало можно. Не хорошо, не комфортно, но физически возможно.

— Докладывай, — велела я, обхватив теплую глину обеими ладонями.

— Денег ноль, — охотно начала Надя, загибая пальцы. — Еды: полпирога с яблоками от пекаря и кусок сухой булки, которую я нашла на чердаке в чистой холстине. Мыши до нее не добрались. Мыла нет. Ведро одно, деревянное, высыхает, если воду на час оставить. Зато я нашла ящик со старыми железками: гвозди кованые, петли дверные и три медных крюка. Если почистить песком, будут как новые.

— Чудесно, — процедила я. — Мы открываем флагманский бутик ржавого крепежа. Местные купцы наверняка выстроятся в очередь до самых городских ворот.

Тяжелая входная дверь сотряслась от трех коротких, хозяйских ударов.

Надя даже не вздрогнула — пошла открывать с тряпкой наперевес. Я торопливо выпрямила спину, одернула куцые рукава пиджака и приняла позу генерального директора перед аудиторской проверкой.

На пороге стояла Серафина Орм.

Утреннее солнце выгодно подсвечивало массивные серебряные перстни на ее пальцах и тяжелую гильдейскую бляху на темно-зеленом сукне. Женщина окинула цепким взглядом отмытый угол прилавка, кружку с парящим цикорием, затем задержалась на моих обнаженных запястьях и коротко хмыкнула:

— Гляди-ка, не сбежали. И даже не угорели от старой буржуйки.

— Мы высоко ценим предоставленный кредит доверия, госпожа Орм, — ровным, светским тоном отозвалась я, шагнув вперед с легким хромым акцентом. — И как раз обсуждали график операционного развертывания торговой точки.

— Чего обсуждали? — Серафина нахмурилась, входя в лавку и небрежно стряхивая пыль с подола.

— План работы, — мягко перевела Надя из-за ее плеча. — Вика говорит, пора открываться.

— А, это правильно, — купчиха подошла к прилавку, оперлась о него ладонями и положила перед собой толстую деревянную дощечку, обтянутую серой кожей, с железным грифелем на шнурке. — Значит так, чужеземки. Слушайте гильдейский закон, пока я добрая.

Она ткнула пальцем в прилавок:

— Лицензия у вас временная, на тридцать дней. Сегодня день второй, солнце уже поднялось, так что часики тикают. Условие гильдии простое, как пареная репа: ровно семь зарегистрированных заказов. Не шесть, не восемь, а семь подтвержденных городскими печатями сделок. За каждый закрытый заказ секретарь управы ставит отпечаток вот в эту учетную грамоту.

Я скосила глаза на пергамент. Семь пустых граф с круглыми контурами под сургуч. Четко, наглядно, бюрократически прозрачно. Такую структуру я понимала и уважала куда больше, чем туманные сказки о местных богах.

— Второе условие, — Серафина подняла массивный указательный палец. — К утру двадцать седьмого дня, когда глашатаи объявят открытие Фестиваля Удачи, у лавки не должно быть ни одной открытой претензии. Ни одной, понятно вам? Если хоть один ремесленник, купец или трактирщик заявит гильдии, что вы его надули, испортили товар или не выполнили уговор в срок, допуск к фестивалю аннулируется на месте.

— А если претензия появится во время работы? — быстро спросила я, внутренне нащупывая границы регламента.

— Устраняете за свой счет до заката того же дня, — отрезала купчиха. — Договариваетесь с заявителем полюбовно, возвращаете деньги, отрабатываете. Главное — чтобы к началу фестивальных туров реестр жалоб был чист, как слеза младенца. Если закроете семь заказов без висящих исков — получите право выставить лавку на фестивале. Пройдете три испытания комиссии — совет гильдии выдаст вам вечную торговую грамоту Беллора. А с ней уже и лавка останется за вами, и арендную плату снизим до приличной.

— А жетон? — тихо подала голос Надя, прижимая тряпку к груди. — Портал на фестивале правда откроется?

Серафина бросила на нее короткий, внимательный взгляд:

— Контур зажигают только на закрытии, в последний день месяца. Говорят, арка откликается на древние переходные метки. Будет у вас целая метка и право стоять на площади среди мастеров — проверите сами. Вышвырнет вас город за ворота раньше срока — сдохнете в канаве под стенами, и никакой портал вам не понадобится. Все ясно?

— Предельно, — ответила я, забирая дощечку со стола. Дерево было гладким, затертым сотнями чужих рук. — Семь закрытых дел. Ноль официальных претензий. Три фестивальных тура.

— И еще, — Серафина уже взялась за дверное кольцо, но обернулась. — Штраф за вчерашний фонтан инспектор Вейр уже передал в счет квартала. Четыре серебряных гроша за порчу питьевой воды и оскорбление надзора. Я за вас поручилась, но из своего кармана платить не стану. К концу недели долг должен быть в гильдейской кассе.

Дверь хлопнула, подняв легкий вихрь серых стружек.

Мы остались одни.

Надя посмотрела на пустую дощечку в моих руках, потом на пустые полки вдоль стен.

— Ну вот, — вздохнула она. — Семь заказов. А у нас из имущества только банка сушеного цикория и кованые гвозди. Вика, может, мы этот кофе в розницу продавать начнем? По щепотке? Если заваривать экономно, на три дня хватит...

— Надя, выключи завхоза, — оборвала я ее, подходя к запыленному окну, выходящему на улицу Медников.

За стеклом начиналась обычная утренняя жизнь торгового квартала. Громыхали груженные телеги с железным ломом. Подмастерья в кожаных фартуках волокли медные листы. Толстый торговец напротив вывешивал связки оловянных кружек, сварливо переругиваясь с разносчиком пирогов.

Это был перенасыщенный, плотный, консервативный рынок. Здесь продавали физические вещи: сковороды, подковы, гвозди, муку и холст. Чтобы влезть в этот оборот без стартового капитала, нужно было быть либо идиоткой, либо самоубийцей.

— Мы не будем продавать товар, — сказала я, поворачиваясь к помощнице. — У нас его нет. Мы будем продавать сервис.

Надя моргнула:

— Чего продавать?

— Решение проблем, — я постучала пальцем по прилавку, чувствуя, как внутри просыпается привычный, злой азарт загнанного в угол организатора. — Посмотри вокруг. Это средневековый мегаполис. Здесь тысячи людей каждый божий день теряют ключи, ссорятся с соседями из-за границ лавок, путают поставки, не могут доставить деликатный груз вовремя или договориться о помолвке без мордобоя. У них есть гильдии кузнецов, пекарей и кожевников. Но у них нет ни одного ивент-агентства и ни одной антикризисной службы.

— Вика, они слов таких не знают, — резонно заметила Надя. — Они знают слова «дай» и «пошел вон».

— Значит, мы сформулируем это на их языке, — отрезала я. — Тащи сюда ту широкую доску, которую ты нашла под лестницей. И уголь из печи.

Через двадцать минут концепция нашего стартапа была зафиксирована на куске сухого ясеня толщиной в два пальца.

Я лично вывела крупными, четкими руническими буквами, которые любезно переводились моим новым восприятием этого мира:

«ЛАВКА НЕПРЕДВИДЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. Поиск пропаж. Деликатные поручения. Мировые соглашения. Быстро. Законно. Без лишней магии».

— Звучит солидно, — признала Надя, критически оглядывая надпись. — Только доска тяжелая. Килограммов шесть. На что вешать будем?

— На фасадные крюки над входом, — скомандовала я. — Там как раз два кованых кольца торчат над карнизом.

Мы вытащили на крыльцо хромоногую табуретку. На улице Медников уже вовсю кипела жизнь: прохожие косились на мой усевший брючный костюм с откровенным недоумением, но я держала спину так, будто демонстрировала коллекцию прет-а-порте на парижском подиуме.

Я встала на табурет. Надя снизу подала мне край тяжелой вывески, страхуя снизу широкими ладонями.

— Вика, держите крепче, — предупредила она. — Левое кольцо шатается. Там кладка старая, раствор выкрошился.

— Надя, я три года подряд вешала шестиметровые баннеры на ветру в Лужниках, — процедила я сквозь зубы, дотягиваясь до железной петли. — Не учи меня крепить наружную рекламу.

Я просунула пеньковый шнур в кольцо.

План был идеален: привязать левый угол, перехватить доску, натянуть правый, выровнять по горизонту. Простое распределение нагрузки. Базовая физика седьмого класса.

Но в уравнение снова вмешалась моя персональная статистика.

В тот самый момент, когда я уже затягивала контрольный узел, с крыши соседней красильни сорвался жирный, наглый серый голубь. Птица не просто пролетела мимо — она испугалась блеска моих часов на запястье, затрепыхалась, с размаху шлепнулась мне прямо на затылок, обдав запахом мокрых перьев, и в панике полоснула когтями по уху.

Я дернулась. Нога на табурете предательски соскользнула с разошедшейся перекладки.

— Ой! — крикнула Надя, пытаясь поймать доску.

Я выпустила шнур.

Шестикилограммовая ясеновая плаха не просто упала. Она спружинила о край навеса, описала в воздухе короткую, хищную дугу и с глухим, сочным металлическим треском врезалась в чугунный уличный фонарь, висевший на углу нашей лавки.

Раздался звон разбитого стекла. Тяжелый кованый короб фонаря, служивший городским ориентиром квартала последние лет сорок, надломился у основания, качнулся и с грохотом рухнул на булыжную мостовую, выбросив во все стороны сноп мелких осколков и остатки желтого свечного сала.

Я чудом удержалась на ногах, прыгнув на мостовую и больно отбив пятку босой левой ноги.

Улица Медников мгновенно замерла.

Стук молотков прекратился. Торговцы застыли с товаром в руках. Из переулка выглянули двое подмастерьев с открытыми ртами. Посреди булыжников лежала наша великолепная вывеска «ЛАВКА НЕПРЕДВИДЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ», а прямо поперек нее покоились изуродованные останки муниципального осветительного прибора.

— Прекрасно, — тихо, замогильным шепотом произнесла я, чувствуя, как дергается правое веко. — Просто великолепно. Теперь мы должны городу не четыре гроша, а сорок четыре.

— Зато вывеска целая, — оптимистично заметила Надя, подходя и переворачивая доску ногой. — Буквы даже не поцарапались. И краска почти высохла.

— Надя, замолчи, ради всего святого...

Договорить я не успела.

Толпа зевак на мостовой внезапно заволновалась и расступилась. Сквозь кольцо зевак, яростно работая локтями и кружевным зонтиком на длинной костяной ручке, продиралась дородная дама в пышном шелковом чепце и бархатном жакете цвета перезрелой вишни. Лицо дамы пылало багровым румянцем, двойной подбородок мелко подрагивал, а в глазах стояли настоящие, неподдельные слезы крайнего отчаяния.

Она налетела на нас, как груженный фрегат на песчаную отмель, споткнулась об осколки фонаря, прочитала надпись на ясеновой доске и вцепилась мертвой хваткой в мой мокрый, усевший рукав:

— Вы?! Это вы — непредвиденные обстоятельства?!

Я мгновенно подобралась. Боль в отбитой пятке испарилась, голубь был забыт, плечи развернулись сами собой.

— Лавка непредвиденных обстоятельств к вашим услугам, сударыня, — произнесла я самым бархатным, успокаивающим и профессиональным тоном, на который только была способна. — Виктория Соколова, ведущий специалист. Что у вас произошло?

— Катастрофа! Позор! Разорение! — взвизгнула дама, промокая глаза батистовым платком. — Пропал! Исчез! Полчаса назад у мясных рядов вырвался из корзины и удрал!

— Ребенок? — тихо и участливо спросила Надя, подходя ближе.

— Какой ребенок, очнись, девка! — возмущенно фыркнула дама. — Архибальд! Чистокровный бревенский белый гусь первой гильдейской линии! Гордость дома господина советника казначейства! На нем завтра на празднике клятву верности гильдии принимать должны!

Она судорожно схватила ртом воздух и перешла на трагический шепот:

— Но это полбеда. На шее у Архибальда был надет фамильный золотой колокольчик дома ван дер Хольтов! Литая работа старых мастеров, родовая реликвия с тринадцатого века! Если Архибальда ошпилют и зажарят в каком-нибудь воровском трактире... господин советник снимет с меня голову!

Я почувствовала, как воздух вокруг меня электризуется. Это был он. Первый заказ. Дорогой, статусный, пахнувший хорошими комиссионными и связями в городском казначействе.

— Успокойтесь, сударыня, — я плавно накрыла ее пухлую руку своей ладонью, фиксируя контакт. — Лавка непредвиденных обстоятельств принимает ваше дело. Считайте, что ваш Архибальд уже найден.

— Вы найдете? Правда найдете? — дама с надеждой уставилась на меня, затем перевела взгляд на вывеску, на разбитый фонарь и, наконец, на общую убогость нашей лавки. В ее глазах мелькнуло секундное сомнение: — А... сколько вы берете за труды?

— Пять серебряных грошей за регистрацию и успешный возврат, — твердо назвала я сумму, моментально перекрывавшую наш долг за фонтан. — Официальный договор гильдии.

Я вытащила из-за пазухи деревянную дощечку с пустым реестром и грифелем.

Дама торопливо выхватила грифель и размашисто нацарапала свое имя в первой графе: «Марта Клюге, экономка дома казначея».

— Только умоляю вас! — добавила она, нервно оглядываясь на собирающуюся толпу. — Ищите быстрее! И берегите колокольчик! Сам Архибальд стоит пятьдесят грошей, но если пропадет родовое золото...

Она понизила голос до свистящего шепота:

— Этот колокольчик стоит больше, чем вся ваша улица Медников вместе с этой лавкой, крышей и вами обеими в придачу. Потеряете — казначей сгноит вас на соляных коях.

Марта развернулась и, шурша юбками, поспешила прочь, оставив нас посреди улицы.

Я посмотрела на первую заполненную строчку в реестре. Заказ номер один был официально открыт.

— Ну вот, — спокойно сказала Надя, поднимая с земли ясеневую вывеску и прислоняя ее к разбитому фонарю. — А ты переживала. Первое дело есть. Осталось только найти белого гуся в городе, где в каждом дворе держат по три десятка точно таких же белых гусей.

Я посмотрела на свою босую левую ногу, потом на небо, где лениво кружили городские птицы, и медленно выдохнула сквозь зубы.

Охота началась.

Глава 4

Надя

Когда Виктория Сергеевна начинала руководить процессом, лучше всего было отойти на два шага назад и не отвечивать.

Она шагала по булыжникам мясного ряда с грацией раненого ястреба. Оторванный каблук левой туфли заставлял ее мерно припадать на каждую вторую ногу: цок — шлеп, цок — шлеп. Короткие брючины облепили щиколотки, мокрый вчерашний пиджак трещал в плечах, но подбородок Вика задрала так высоко, будто шла принимать парад.

— Надя, фиксируй диспозицию, — бросила она через плечо, не сбавляя шага. — Гусь не мог раствориться в воздухе. Закон сохранения массы. Птица весом не менее шести килограммов, с золотым предметом на шее. Мотивы похищения: первое — перепродажа на черном рынке драгоценных металлов; второе — недобросовестная конкуренция перед завтрашним гильдейским ритуалом; третье — гастрономический саботаж. Мы начинаем с точки сбыта. Кто в этом секторе контролирует оборот пера и пуха?

Я шла следом, придерживая холщовую сумку через плечо, и смотрела под ноги.

В мясном ряду пахло сырой говядиной, холодным жиром, чесноком и мокрыми опилками, которыми щедро посыпали дорогу между прилавками. На крюках висели бараньи туши с синими печатями, в деревянных кадках плавали свиные уши, а толстые мясники в кожаных запонах угрюмо точили широкие тесаки о бруски. Зрелище было внушительное, но совершенно бесполезное для поисковой операции.

— Вика, — тихо сказала я.

— Не сбивай темп. Мы теряем оперативное время. Если птицу уже ощипали, колокольчик могли переплавить в ближайшей ювелирной лавке. Нужно немедленно опросить старшину гильдии заготовителей.

Она решительно свернула к огромному мужику с закрученными кверху рыжими усами, который как раз с размаху опустил топор на мозговую кость. Кость хрустнула. Мужик поднял налитые кровью глаза на Вику.

— Добрый день, любезный, — начала Вика тем самым ледяным, светским голосом, которым в Москве отчитывала подрядчиков за просроченный монтаж звуковых порталов. — Независимый аудит торгового квартала. Нам необходимы данные по неучтенному поступлению белой птицы высшей категории за последние два часа. Любые подозрительные лица, попытки реализации колокольной бронзы или золотого литья. В ваших интересах сотрудничать со следствием до прибытия инспектора безопасности.

Мясник медленно опустил топор на колоду, вытер жирные пальцы о фартук и смерил Вику долгим, тяжелым взглядом. От ее усевших рукавов до босой пятки.

— Чего-о? — сипло выдавил он. — Ты чья такая дерзкая, заморыш? А ну пошла от прилавка, пока я тебя вместо окорока на крюк не вздернул. Понаехали чужеземки полоумные...

— Послушайте, гражданин... — вскинулась Вика, но я аккуратно взяла ее за локоть и потянула назад.

— Спасибо, дяденька, хорошего дня вам, косточки очень аккуратно порублены, — скороговоркой пробормотала я, уводя начальницу в сторону переулка.

— Надя! — зашипела Вика, вырывая руку. — Ты ломаешь переговорную позицию! Он явно что-то скрывает! Ты видела его микромимику? Он напрягся при слове «птица»!

— Он напрягся, потому что не понял ни одного слова из трех, а ты стоишь в мокрых штанах и командуешь на его рабочем месте, — вздохнула я. — Вика, включи голову. Это же гусь.

— И что?

— Гусь не читает детективов. Гусь не знает, сколько стоит золото на его шее. И никто его не похищал. Экономка Марта сказала: он вырвался из корзины сам, когда она зазевалась у телеги с пирогами.

— И ты хочешь сказать, что элитная птица стоимостью в полугодовой бюджет лавки просто... пошла гулять?

— Именно. И пошла она не к мясникам, где пахнет кровью и топорами стучат. Птицы этого боятся.

Я показала пальцем вниз, на щель между двумя гранитными плитами мостовой.

Там, в пыли, застряло крошечное белое перышко с чистым, слегка закрученным кончиком. Совсем свежее. А чуть дальше, у водосточного желоба, на камне темнела характерная зеленовато-белая клякса птичьего помета.

— Вот след, — сказала я. — И ведет он не к скупщикам краденого, а вон туда. Где сдобой пахнет.

Вика скептически сощурилась, глядя на перо:

— Это может быть обычная курица. В городе миллион кур.

— У курицы пух жестче и короче, — спокойно ответила я. В детстве у бабушки в деревне под Касимовом я этих гусей перепасла не меньше сотни, и характер их знала лучше, чем визитки московских промоутеров. — И курица не станет жрать ванильную булку с сахаром, если рядом есть рассыпанное пшено. А Архибальд домашний, балованный. Марта сама хвасталась, что его с рук сладким тестом прикармливают.

Я зашагала по узкому кривому переулку, петлявшему между пекарней и лавкой пряностей.

След читался проще простого, если смотреть на вещи без высшего образования в сфере маркетинга. Вот на углу опрокинутый плетеный лоток с сушеными грушами — торговец ругается, собирая падалицу. Вот на каменной тумбе у трактира прилип еще один длинный белый пушок. А из темной арки впереди несло невероятным, густым ароматом свежего масляного теста, жженого сахара и миндаля.

Вика хромала следом, недоверчиво озираясь по сторонам:

— Надя, это иррационально. Ты полагаешься на слепую случайность. Мы должны были прочесать город секторально, нанять двух мальчишек-зЫывал за медный грош и перекрыть мосты!

— Ага, — кивнула я, заглядывая в арку. — И потратить грош, которого у нас нет. Смотри лучше.

За аркой открывался широкий, вымощенный гладким песчаником внутренний двор.

Это явно была не улица для бедняков. Высокие трехэтажные особняки из светлого тесаного камня, кованые фонари над тяжелыми парадными дверями, резные балконы с кадками, в которых цвела пушистая розовая герань. В дальнем конце двора располагались конюшни и каретный сарай.

И прямо посреди двора стояла крытая лакированная повозка казначейского ведомства — темно-синяя, с золочеными гербами на дверцах и запряженная парой сытых гнедых лошадей. Кучера на козлах не было: судя по приоткрытой боковой двери флигеля, конюхи и слуги ушли внутрь пить утренний сбИтень.

А из приоткрытой дверцы повозки доносилось мерное, глуховатое:

«Дзинь... дзинь... чавк-чавк... дзинь».

Я подошла ближе, стараясь ступать мягко. Кеды на резиновой подошве почти не шумели по камню, в отличие от Викиного перекошенного шага.

— Вика, замри, — шепнула я. — Стой на месте и не цокай.

— Что там? — шепотом отозвалась она, но послушно застыла у стены, придерживая руками полы натянутого пиджака.

Я заглянула в повозку через открытую подножку.

Внутри, на бархатном сиденье цвета спелой сливы, утопая лапами в мягкой подушке, восседал Архібальд.

Гусь был монументален. Белоснежный, размером с доброго поросенка, с горбатым оранжевым клювом и надменными круглыми глазами цвета речной гальки. Прямо перед ним стояла плетеная корзина, накрытая расшитым рушником, из которой на бархат вывалились свежие шафрановые булочки с маком.

Архібальд методично, с чувством собственного достоинства долбил клювом третью булку, выковыривая из мякиша сладкий изюм.

А на его толстой, холеной шее, на витом шелковом шнурке, действительно висел массивный колокольчик из чистого, тяжелого червонного золота. При каждом движении птичьей головы язык колокольчика легонько ударялся о край, издавая чистый, хрустальный звон: «Дзинь».

— Нашла, — выдохнула я.

И в этот момент со стороны конюшни раздался громкий, грозный окрик:

— А ну стоять! Воровка! Руки от господского выезда убрала!

Из дверей флигеля выскочил здоровенный детина в кожаном безрукавном колете, с деревянной дубинкой в руке и с недоеденным пирогом в зубах. Лицо у парня было красным, брови сдвинуты к переносице, и смотрел он прямо на меня.

Вики рядом не было — она осталась за углом арки, и рассчитывать на ее столичную наглость не приходилось. Ошибись я сейчас хоть в одном слове — и вместо закрытого заказа мы получим вторую порцию стражи, обвинение в корыстном проникновении в казначейскую карету и штраф, который нас окончательно похоронит.

Я не стала визжать, не стала пятиться и даже руки поднимать не стала. Я просто выпрямилась, одернула ситцевый сарафан и показала пальцем внутрь кареты:

— Дяденька, не орите на весь квартал, птицу спугнете. Она вам сейчас весь бархат на сиденьях пометом изгадит, вам же потом чистить.

Парень поперхнулся пирогом, замер на полпути и моргнул:

— Чего?.. Какой бархат?

— Ваш казначейский, — спокойно объяснила я, подходя на полшага к дверце. — Архібальд ваш в карету залез. Сидит, шафран с изюмом трескает. Если сейчас взлетит от вашего крика — подушки распорет и колокольчик оторвет. Господин советник вам за порчу казенного бархата спасибо не скажет.

Конюх сунулся в повозку, увидел белое чудовище посреди выпечки, и лицо его из грозного мгновенно стало панически-белым:

— Матушки мои... Архібальд... Он же с утра пропал, экономка всех на уши подняла! А ну пошел вон, скотина пернатая!

Парень неосторожно протянул руку в карету.

Архібальд среагировал мгновенно. Он вытянул толстую шею, угрожающе зашипел, как пробитое колесо грузовика, раскрыл крылья размахом метра в полтора и с яростным щелчком клюва цапнул конюха за мякоть ладони.

— Ай, черт! — взвыл парень, отскакивая назад и тряся ушибленной рукой. — Злой, как демон! Он мне палец чуть не отхватил! Как его брать-то?! Он же никого, кроме Марты, не подпускает!

— Отойдите, — вздохнула я. — В деревне, что ли, никогда не жили?

Я закатала рукава сарафана повыше, стянула с шеи кухонный фартук, найденный утром в лавке, и полезла в карету.

Архибальд снова надулся, выгнул шею дугой и нацелился мне прямо в переносицу. В глазах птицы читалась непоколебимая уверенность в собственной богоизбранности и классовом превосходстве.

— Даже не думай, пернатый, — негромко сказала я, не отводя взгляда.

Я не делала резких выпадов, не махала руками. Я просто плавно развела полотнище фартука в стороны, загораживая птице свет из окна, и сделала шаг вперед. Архибальд зашипел, попытался клюнуть край ткани — и в эту же секунду я ловко, точным деревенским перехватом накрыла его голову фартуком, второй рукой намертво зафиксировала основание шеи, а локтем прижала мощные трепыхающиеся крылья к его жирным бокам.

Птица возмущенно булькнула, забилась, но вырваться уже не могла. Золотой колокольчик глухо звякнул под холстом.

Я вылезла из кареты, держа бьющийся шестикилограммовый сверток под мышкой, как обычный мешок с картошкой.

— Вот, — сказала я ошалевшему конюху. — Сиденья чистые, булочки почти целые. Тряпку подберите, там крошки остались.

Из-за угла арки, медленно и торжественно припадая на левую ногу, выплыла Виктория Сергеевна.

Ее лицо выражало абсолютное, выверенное триумфальное превосходство. Казалось, это она лично разработала многоходовую спецоперацию по захвату стратегического гуся и только что блестяще довела ее до конца.

— Надежда, придержите объект, — ровным, начальственным тоном распорядилась Вика, окидывая оцепеневшего конюха холодным взглядом. — Любезный, немедленно известите госпожу Марту Ключе. Лавка непредвиденных обстоятельств завершила поисковые мероприятия в полном объеме. Семейная реликвия в сохранности. Мы ожидаем заказчицу у ворот казначейства для подписания акта приемки и окончательного расчета.

Конюх, все еще дуя на укушенный палец, только молча кивнул и кубарем понесся к главному входу в особняк.

Экономка Марта рыдала прямо на мостовой.

Она прижимала к своей необъятной бархатной груди завернутого в фартук Архибальда, целовала птицу прямо в оранжевый клюв (гусь при этом продолжал недовольно шипеть) и дрожащими пухлыми пальцами ощупывала золотой колокольчик.

— Цел... Роденький мой, серебряный мой... то есть золотой! Ни царапинки! Ни пылинки!

— Протокол гильдейского надзора, — напомнила Вика, не моргнув глазом протягивая ей нашу деревянную дощечку.

Марта даже спорить не стала. Она торопливо выхватила грифель и с силой впечатала свое имя в графу подтверждения: «Марта Ключе, претензий не имею, заказ исполнен в срок».

Затем экономка полезла в глубокий карман нижней юбки, вытащила тяжелый шелковый кошелек и отсчитала в Викины раскрытые ладони ровно пять крупных, тускло мерцающих серебряных монет.

На монетах был выбит профиль местного короля и ветка омелы. Они были непривычно тяжелыми, пахли металлом и охладили кожу настоящей, осязаемой стоимостью.

— Да благословит вас святая Удача, девочки, — всхлипнула Марта, поправляя чепец. — Я всему кварталу расскажу! Всем кумушкам разстрезвоню! Ведь никто не брался, все говорили — пропал гусь с концами, в трущобах давно сварили! А вы за час управились!

Она попятилась к калитке, унося свое пернатое сокровище, а мы с Викой остались стоять посреди площади.

Вика перекатила монеты на ладони. Глаза ее горели чистым, хищным восторгом победителя.

— Пять грошей, — выдохнула она, и в ее голосе звенела сталь. — Четыре отдаем Серафине за фонтан. Один остается на оборотные средства. И первая официальная запись в реестре. Один из семи, Надя. Мы сделали это.

Я перевела дух, вытирая испачканные птичьим пухом пальцы о край сарафана.

И вдруг почувствовала чужой взгляд.

Метрах в двадцати от нас, у крыльца торговой управы, стоял городской инспектор Радан Вейр.

Он был все в том же кожаном колете со стальными пластинами на плечах, с неизменной деревянной планшеткой под мышкой. Он стоял, прислонившись широким плечом к резному деревянному столбу, и не сводил с нас глаз.

Его серое, непроницаемое лицо не выражало ни удивления, ни досады. Но когда наши взгляды встретились, он медленно, очень внимательно перевел глаза с Викиных серебряных монет на мои кеды, испачканные шафрановым тестом, а затем опустил грифель на свой пергамент и сделал короткую пометку.

Я не слышала, о чем он думает, но спиной почувствовала: господин инспектор безопасности очень не любит, когда совпадения складываются так гладко и так быстро.

— Пошли, Надя, — скомандовала Вика, пряча серебро в карман куцего пиджака. — Нам нужно зарегистрировать закрытие в гильдейской книге, забрать квитанцию об оплате штрафа и разработать рекламную кампанию на вторую половину недели. Этот успех нужно масштабировать.

Мы вернулись на улицу Медников через полчаса.

Я рассчитывала дойти до лавки, вскипятить остатки цикория и хотя бы полчаса посидеть на сухом стуле, вытянув гудящие ноги.

Но когда мы повернули за угол красильни, я застыла как вкопанная.

У нашего покосившегося крыльца, прямо под разбитым уличным фонарем и прислоненной к стене вывеской, толпились люди. Не меньше десятка горожан: две дородные мещанки в шерстяных накидках, хромой сапожник с дранкой под мышкой, степенный купец в лисьей шапке, несмотря на жару, и мальчишка с перевязанной тряпкой рукой.

Они спорили, толкались и поминутно заглядывали в пыльное стекло витрины.

— Вон они! — истошно завопила одна из торговек, заметив нас на мостовой. — Идут! Та самая девка в ромашках, которая чужие пропажи руками чует!

Толпа мгновенно развернулась и единой волной двинулась нам навстречу, вытягивая руки с записками, тряпичными узелками и медными грошами.

— Госпожа счастливица! Гляньте на мою сделку, сукно брать али погодить?!

— Доченька, перстень помощи сыскать, в огороде с пальца слетел!

— Госпожа Удача, благослови корову, третий день не телится!

Вика рядом со мной медленно замерла. Ее ноздри хищно дрогнули, глаза расширились, а на губах появилась та самая опасная, профессиональная улыбка, с которой она обычно продавала клиентам самые дорогие и рискованные спонсорские пакеты.

— Надя, — прошептала она, не разжимая губ и глядя на надвигающуюся толпу. — Забудь про цикорий. Кажется, наш бренд выстрелил раньше, чем мы успели утвердить прайс-лист.

Я посмотрела на вопящих людей, потом на невозмутимое небо над черепичными крышами Беллора и тихонько вздохнула.

Потому что если Вика решила масштабировать мою обычную деревенскую сноровку в промышленных масштабах, то разбитый уличный фонарь покажется нам детской шалостью.

Глава 5

Виктория

Нищий входящий трафик убивает любой бизнес быстрее, чем налоговая инспекция. Это базовое правило столичного маркетинга я усвоила еще в двадцать два года, когда наш первый промо-стенд атаковали охотники за бесплатными фирменными шариками и пенсионеры, требовавшие подарочный чайник за регистрацию в мобильном банке.

К полудню четвертого дня наша «Лавка непредвиденных обстоятельств» выглядела как филиал сельской богадельни в базарный день.

— Доченька, голубушка, — гундосила в дверях сопливая старуха в трех драных платках, пытаясь сунуть Наде в руки пучок жухлой лебеды. — Подержи травку, а? Вчерась коза с нее вздулась, а ты ж счастливая, ты подержи — коза и пропукается!

— Женщина, отойдите от линии прилавка, — отчеканила я, скрестив руки на груди.

Шерсть моего усевшего пиджака натянулась на лопатках так свирепо, что я физически ощутила, как треснула нитка верхнего подплечника. Левая нога в плоской балетке — я безжалостно отломала каблук и у второй туфли, уравнивая свой силуэт с полом, — отчаянно ныла на холодном каменном покрытии.

— Да чего ты лаешься, чернушка? — огрызнулась бабка, пряча лебеду в карман. — Я к светленькой пришла! Светленькая вчерась Архибальда из кареты вынула, весь город гудит! Светленькая одним пальчиком беду отводит!

Надя стояла за прилавком, виновато моргала круглыми серыми глазами и бережно перекатывала в пальцах деревянную ложку. На щеке у нее белело пятно от зубного порошка, на фартуке темнел след от вчерашней золы, но публика смотрела на нее с таким экстагическим обожанием, будто перед ними стояла как минимум Мать Тереза, сошедшая с витража кафедрального собора.

Рядом с Надей на прилавке высилась скорбная горка подношений: три мятых сушеных яблока, глиняный черепок с козьим творогом, две ржавые медные монетки достоинством в полушку и дохлая вяленая вобла. За это богатство пришедшие требовали: найти серебряную булаву, потерянную в свинарнике шесть лет назад; благословить хромого мерина; предсказать падение цен на репу и снять порчу с кислого молока.

Это была катастрофа.

В кассе лежал ровно один серебряный грош, оставшийся после уплаты штрафа Серафиме. До фестиваля оставалось двадцать три дня. Нам нужно было закрыть еще шесть официальных гильдейских заказов, а городская регистрация принимала сделки стоимостью не ниже серебряного полновесного гроша — никакие пропукавшиеся козы в реестр магистрата не входили по определению.

— Надя, отойди на склад, — тихо и раздельно скомандовала я.

— Вика, ну бабушке же тяжело... — шепнула она.

— На чердак, Морозова. Бегом.

Когда за Надей закрылась дверь подсобки, толпа в зале разочарованно загудела. Я оперлась ладонями о вымытый дубовый прилавок, наклонилась вперед и включила свой фирменный взгляд холодного превосходства, которым в прошлой жизни выпроваживала пьяных свадебных генералов со сцены.

— Прием частных лиц временно приостановлен на санитарную дезинфекцию, — громко объявила я. — Все прошения на поиск потерянных гвоздей, кошачьих хвостов и благословение огородов принимаются по средам, с девяти до десяти утра, при наличии гербовой пошлины. Очистить помещение.

Толпа заворчала, зашаркала постоломи, но внушительный тон и мое каменное лицо сделали свое дело. Последний проситель — прыщавый подмастерье, умолявший приворожить дочку кузнеца, — выкатился за дверь, испуганно втянув голову в плечи.

Дверь захлопнулась. Я тяжело выдохнула, подошла к витрине и задернула кусок серой холстины.

— Так продолжаться не может, — сказала я вслух пустому залу.

Если мы останемся «лавкой святой дурочки», через неделю нас просто раздавят. Настоящие деньги, статус и признание гильдии водились на Верхнем рынке — там, где пахло дорогими тканями, корицей, ювелирной полиролью и тонким вином. Богатые клиенты не пойдут в лавку, вокруг которой толпятся нищие с вяленой воблой. Им нужна респектабельность. Им нужна предсказуемость. Им нужна гарантия.

А главное — они должны платить мне, а не целовать подол моей помощнице.

Я поднялась наверх, нашла на чердаке рулон плотной серой оберточной бумаги, оставшейся от жестянщика, железную линейку, угольный грифель и перочинный ножик.

Концепция ребрендинга родилась за десять минут.

Никаких «чудес». Чудеса пугают инспекторов вроде Радана Вейра и привлекают нищих фанатиков. Мы продаем метод. Мы — экспертное бюро по минимизации бытовых рисков.

Я нарезала бумагу на аккуратные прямоугольники размером с визитную карточку. Затем, тщательно выводя каждую руническую букву четким типографским полууставом, заполнила первый десяток:

«ЛАВКА НЕПРЕДВИДЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. Официальный партнер квартала Медников. Предъявителю сего купона — гарантированно благоприятный исход любого житейского затруднения при обращении в лавку. Конфиденциально. Безупречно. В срок».

Слово «гарантированно» я подчеркнула двойной чертой. В рекламном бизнесе это называлось оффером с высокой конверсией. Клиент должен чувствовать твердую почву под ногами. Разумеется, мелким шрифтом внизу следовало бы приписать «при наличии технической возможности и без учета форс-мажорных обстоятельств непреодолимой силы», но места на оберточной бумаге было мало, а грифель крошился. В конце концов, юристов уровня московского арбитража в Беллоре не наблюдалось.

— А теперь, — прошептала я, любуясь стопкой карточек, — мы устроим рынку презентацию.

Идея была безупречной с точки зрения уличной драматургии.

В два часа пополудни через улицу Медников традиционно тянулся поток экипажей и зажиточных горожан, возвращавшихся с полуденных торгов на Верхнем рынке к жилым кварталам. Чтобы заставить их остановиться у нашей покосившейся вывески, требовался яркий визуальный якорь.

Я вытащила на крыльцо высокий дощатый столик, накрыла его чистым рушником и установила реквизит.

Реквизит состоял из трех предметов: толстой глиняной кружки, стального шарика от подшипника (найденного в ящике с крепежом) и сложной системы противовесов из трех сосновых брусков, связанных шпагатом. Фокус, старый как мир: зритель ставит задачу, сложная конструкция кажется шаткой и опасной, но в последний момент смещенный центр тяжести удерживает систему на самом краю, демонстрируя триумф точного расчета над слепым слушанием.

На столик легла ровная стопка моих рекламных купонов, прижатая чистым медным крючком.

На крыльцо робко выглянула Надя. Она уже успела переодеться в найденную на чердаке льняную блузу — мешковатую, но чистую — и теперь с сомнением смотрела на мои приготовления.

— Вика, а зачем палочки? — спросила она шепотом. — Мы опять будем что-то ломать?

— Мы будем привлекать платежеспособную аудиторию, — процедила я, проверяя натяжение шпагата на среднем бруске. — Ты стоишь у входа. Молчишь. Улыбаешься мягко, загадочно и благородно. Никаких чебуреков, воблы и советов по вздутию скота. Когда я подам знак, ты возьмешь шарик и положишь его вот на эту выемку. Конструкция качнется, но не упадет. Я произнесу слоган, и мы начнем раздавать купоны господам в бархате. Поняла?

— Понять-то поняла, — вздохнула Надя, складывая руки на животе. — Только веревочка у вас хлипкая. Вон там, где узелок, волокна перетерлись.

— Шпагат двойной крутки выдерживает статическую нагрузку до двенадцати килограммов, Морозова. Не умничай.

Улица начала заполняться.

Застучали подковами сытые лошади. На углу притормозила открытая рессорная коляска с полированными желтыми бортами — внутри сидел тучный купец в собольей душегрейке, лениво обмахиваясь шелковым платком. За ним шли прилично одетые дамы с корзинками, приказчики в чистых суконных кафтанах и даже пара гильдейских чиновников с кожаными папками под мышкой.

Я расправила плечи, глубоко вздохнула — плечевой шов пиджака жалобно пискнул, но устоял — и шагнула вперед.

— Достопочтенные граждане Беллора! — мой поставленный грудной голос легко перекрыл уличный шум, ударившись о противоположные каменные стены. — Минуту вашего драгоценного внимания!

Прохожие стали притормаживать. Купец в коляске повернул тяжелую голову. Зеваки из соседних лавок тут же высунули носы.

— Вы привыкли доверять случаю, — звучно продолжала я, плавно обводя взглядом собравшихся. — Вы молитесь святой Удаче, теряя время, деньги и покой, когда обстоятельства выходят из-под контроля! Но случайность — это не божество. Случайность — это всего лишь плохой расчет! Лавка непредвиденных обстоятельств предлагает вам новую философию. Мы берем ваш хаос и превращаем его в гарантированный результат!

Толпа замерла. Слово «гарантированный» сработало как магнит — даже пара дам подошла ближе, шелестя юбками.

— Взгляните на эту шаткую конструкцию, — я эффектным жестом указала на сосновые бруски. — В руках дилетанта она рухнет. Но под нашим контролем любой критический перевес обращается в безупречное равновесие. Надежда, шар!

Надя послушно сделала шаг вперед, взяла холодный стальной шарик двумя пальцами и аккуратно опустила его на верхний брусок.

Система качнулась. Нижний противовес плавно ушел влево, удерживая баланс. Все сработало безупречно. По толпе пронесся восхищенный шепоток. Купец в коляске одобрительно приподнял бровь.

Это был триумф. Чистый, абсолютный триумф режиссуры.

Я победно улыбнулась, протянула руку к стопке купонов, собираясь одарить ими самых уважаемых зрителей, и звонко произнесла:

— Предъявителю купона — гарантированно благоприятный...

Закончить фразу мне не позволила вселенная.

Потому что в этот момент солнце, стоявшее в зените, отразилось от начищенного медного крюка, прижимавшего стопку бумаг. Яркий, ослепительный зайчик метнулся через мостовую и ударил прямо в морду пристяжной кобыле в купеческой коляске.

Лошадь не понесла. Она просто громко, оглушительно чихнула.

От этого мощного звука кошка красильщика, дремавшая на карнизе второго этажа прямо над нашим крыльцом, подскочила на четыре лапы, оступилась о скользкую дранку и кубарем полетела вниз.

Она не упала на меня. Это было бы слишком просто.

Кошка с паническим визгом врезалась всеми четырьмя растопыренными когтистыми лапами прямо в натянутый кусок серой холстины на нашей витрине. Полотно с треском лопнуло. Кошка, продолжая орать, срикошетила от рамы, зацепила хвостом кончик Надиного фартука и с размаху приземлилась точно на средний брусок моей идеально рассчитанной пирамиды.

Хлипкий шпагат лопнул со звуком лопнувшей гитарной струны.

Тяжелый брусок вылетел вперед, как снаряд из катапульты, и сбил медный крюк со столика. А в ту же секунду с реки налетел внезапный, резкий, крученный порыв сквозняка, который всегда гулял по узкой улице Медников перед грозой.

Ветер подхватил сотню моих аккуратно нарезанных купонов из оберточной бумаги.

Они взмыли в воздух серой метелью.

— Лови! — взвизгнул кто-то в толпе.

— Грамотки счастья раздают! — завопил мальчишка-подмастерье.

— Купоны на удачу! Хватай, бабы!

Толпа мгновенно превратилась в бурлящий водоворот. Люди толкались, прыгали, хватали кружащиеся в воздухе бумажки, сшибали друг друга локтями и наступали на ноги.

Стальной шарик, сорвавшись со столика, весело покатился по ступеням, с глухим стуком стукнул купца в коляске по лакированному сапогу, а верхний сосновый брус плавно и неотвратно съехал со столешницы и шлепнулся мне прямо на правую стопу.

— Твою же... смету! — прошипела я сквозь стиснутые зубы, поджимая ушибленную ногу и судорожно хватаясь за косяк.

Реклама удалась. Презентация гремела на весь квартал.

Серая бумажная метель кружилась над мостовой. Горожане с победными криками рассовывали мои драгоценные купоны с жирным словом «ГАРАНТИРОВАННО» по карманам, за пазухи и за голенища сапог, топча остатки моей физической модели.

Я стояла на одной ноге, держась за облупленный косяк, и чувствовала, как внутри разливается знакомая, ледяная ярость бессилия. Я все рассчитала. Я учла углы, натяжение и траекторию. Я не учла только чихающую лошадь и летающую кошку.

— Госпожа, вам дурно? — раздался с мостовой тихий, испуганный женский голос.

Я открыла глаза, готовая испепелить взглядом любого, кто осмелится попросить у меня благословения на удачу.

Но на мостовой стояла совсем не торговка.

Женщине было около сорока пяти. На ней было надето строгое, баснословно дорогое платье из темно-синего лионского бархата с глухим воротом, отделанным тончайшим игольным кружевом. Седые волосы лежали под строгой жемчужной сеткой. Тонкие, холеные пальцы нервно сжимали край тяжелой накидки, подбитой горностаем, а на лице читалось такое застывшее, ледяное отчаяние, которое бывает только у людей, стоящих на краю светской гибели.

Она не хватала купоны. Она даже не смотрела на летающие бумажки.

Она смотрела на Надю.

Пока я хромала у косяка, Надя спокойно спустилась с крыльца, подобрала выпавший из рук дамы расшитый шелковый ридикюль, который та выронила в давке, аккуратно отряхнула его от дорожной пыли и протянула хозяйке:

— Вот, возьмите. Замок не расстегнулся, флакончик внутри целый, не разбился. Вы только под ноги смотрите, тут камни скользкие, а у вас подошва тонкая.

Женщина медленно перевела взгляд с ридикюля на Надино простое, открытое лицо. Ее губы дрогнули.

— Вы... вы та самая девушка из лавки? Которая нашла золотой колокольчик казначея?

— Я Надежда, — просто ответила Надя. — А это Виктория Сергеевна, она у нас главная по делам.

Я мгновенно опустила ушибленную ногу на землю. Боль прострелила до колена, но я даже бровью не повела. Плечи расправились сами собой, лицо застыло в маске высшей степени профессионального достоинства.

— Добрый день, сударыня, — произнесла я, спускаясь на одну ступеньку. Голос звучал ровно, бархатно, без единого намека на то, что десять секунд назад на мою ногу упала балка. — Виктория Соколова, ведущий партнер бюро. Вы ищете конфиденциальное решение деликатного вопроса?

Дама перевела взгляд на меня. Ее брови слегка дрогнули при виде моего костюма, но в моих глазах она, очевидно, прочла то, что искала: абсолютную, беспощадную деловую хватку.

Она шагнула к нам, понизив голос до свистящего, нервного шепота:

— Госпожа Соколова... Меня зовут госпожа Лилиан Вайс. Мой муж — старшина гильдии суконщиков. И если до завтрашнего вечера моя проблема не решится, наш дом будет опозорен на весь Беллор.

— Пройдемте в лавку, госпожа Вайс, — плавно повела рукой я, распахивая скрипучую дубовую дверь. — У нас строгий протокол тайны клиентских обращений.

Внутри лавки пахло пылью, сушеным цикорием и катастрофой, но госпожа Вайс этого не замечала. Она сидела на единственном целом стуле, нервно стискивая в кулаке батистовый платок, и говорила быстро, сбивчиво, боясь поднять глаза.

— Через два дня — официальный сговор моей старшей дочери Эммы с наследником дома Торнов. Вы понимаете, что это за партия? Это объединение суконных мануфактур и речного флота! Род Торнов спесив, как павлины. Они передали нам фамильное обручальное кольцо. Пять карат цейлонского сапфира в оправе из белого золота с рунической вязью верности. Реликвия трех поколений!

— И кольцо пропало, — констатировала я, доставая из-под прилавка нашу деревянную дощечку с реестром.

— Пропало! — дама всхлипнула. — Вчера Эмма понесла его мастеру, чтобы уменьшить ободок по пальцу. В квартал ювелиров. Вышла из экипажа у Золотого моста, зашла в проулок... и всё. Футляр пуст. То ли шнурок развязался, то ли карманник срезал.

— Почему вы не заявили в городскую стражу инспектору Вейру? — спросила я, прищурившись.

Лицо госпожи Вайс побелело еще сильнее:

— Вы с ума сошли?! Если стража начнет обыскивать квартал ювелиров, новость разойдется за час! Торны немедленно разорвут помолвку, решив, что мы либо небрежны, либо пытались подменить камень! А в квартале ювелиров действуют свои законы. Если чужак начнет расспрашивать мастеров о пропавшем сапфире... его самого обвинят в краже и скупке краденного! Ювелирный цех чужаков не пускает и с полицией не делится. Они переплавят оправу, а камень сбудут контрабандистам!

Я почувствовала, как внутри сладко заныло.

Это был идеальный кейс. Высокий статус. Закрытое сообщество. Жесткий дедлайн. Риск огромный, но и гонорар соответствующий.

— Десять серебряных грошей за успешный возврат и полное сохранение тайны, — твердо назвала я цену. — Пять авансом на операционные расходы. И запись в официальный реестр с вашей личной печатью.

Госпожа Вайс даже не моргнула. Она выхватила из ридикюля тяжелый бархатный мешочек, звякнувший чистым серебром, и высыпала на прилавок пять новеньких, сверкающих монет:

— Двадцать, если кольцо будет у меня завтра к закату. Целым и без огласки.

Она дрожащей рукой начертала свое имя во второй строке нашей дощечки: «Лилиан Вайс, подтверждаю открытие дела».

Через минуту ее экипаж уже уносил встревоженную клиентку обратно к Верхнему рынку.

На прилавке лежали пять серебряных грошей. На доске красовалась вторая официальная запись.

— Два из семи, Надя, — выдохнула я, перебирая холодные монеты пальцами. — Мы выходим в высшую лигу. Никаких коз. Никаких бабушек. Мы идем в квартал ювелиров.

Надя стояла у окна, отодвинув порванную холстину, и смотрела на улицу.

На мостовой двое мальчишек увлеченно дрались из-за последнего растоптанного купона из оберточной бумаги, на котором жирно чернело уцелевшее слово: «ГАРАНТИРОВАННО».

— Вика, — тихо сказала Надя, не оборачиваясь. — А ювелиры — они ведь хитрые? И замки у них сложные?

— Ювелиры — обычные коммерсанты, — отрезала я, пряча серебро в потайной карман пиджака. — А у нас на руках официальный контракт и железобетонная репутация агентства, которое решает нерешаемое.

Я подошла к зеркалу, критически осмотрела свое строгое каре, смахнула пыль с лацкана и усмехнулась.

План складывался идеально.

После рассказа госпожи Вайс я была уверена только в одном: в квартале ювелиров чужак, полезший к потерянному золоту без мастера и клейма, сам очень быстро становится первым подозреваемым.

Глава 6

Надя

У ювелиров даже булыжники под ногами были другими.

На нашей улице Медников мостовую мостили крупным, шербатым гранитным бутом, между которым вечно хлопала темная жижа из красилен. Здесь же, за ажурными чугунными воротами Золотого моста, камни лежали мелкие, гладкие, плотно пригнанные друг к другу и вымытые до серого речного лоска. Через тонкую резиновую подошву моих кед каждый булыжник чувствовался отчетливо, но идти было приятно. В воздухе не пахло ни навозом, ни жареной требухой — пахло сухим древесным углем, скипидаром, дорогой полировочной пастой и чуть слышно — лимонной кислотой для отбеливания серебра.

Викторию Сергеевну я оставила на площади перед мостом.

У нее распухла правая стопа после вчерашней рекламной кампании, когда на нее приземлился сосновый брус. Вика сидела на белом каменном парапете под раскидистой липой, вытянув пострадавшую ногу, завернутую в мокрое кухонное полотенце, и яростно чертила грифелем в блокноте. Ее усевший пиджак трещал по швам, на носу сияла свежая царапина от кошачьих когтей, но смотрела она на входящих в квартал господ так, будто лично владела этим мостом и подумывала поднять пошлину за проезд.

— Морозова, повторяю вводную, — напутствовала она меня полчаса назад, не отрывая взгляда от записей. — Заказчик — старшина суконщиков Вайс. Объект — фамильный перстень дома Торнов, цейлонский сапфир в пять карат, белое золото, гравировка. Дочь клиента, легкомысленная девица Эмма, вчера в четыре пополудни заходила в мастерскую мастера Тарена, чтобы уменьшить обод. Вышла оттуда в истерике и без кольца. Ювелиры — замкнутая корпоративная каста. Они будут покрывать своего до последнего. Не спорь, не угрожай, фиксируй противоречия в показаниях. Если мастер начнет запираться, дай мне знак из окна — я приду и сломаю его юридически.

Ломать мастера юридически мне совершенно не хотелось. У меня от Викиных юридических планов до сих пор в ушах звенел грохот разбитого фонаря.

Мастерская Клима Тарена пряталась в глубине тихого тупика, зажатого между высокой стеной гильдейского ломбарда и пышным плющом. Вывеска над дверью была скромной, из темной шлифованной меди: «К. Тарен. Ремонт тонких механизмов и наладка бытовых чар». Никаких нарисованных корон или золотых кубков, только тонкий силуэт шестеренки, внутри которой был вытравлен стилизованный ключ.

Над дверью тихонько звякнул колокольчик — не звонкий, как у казначейского гуся, а глуховатый, словно его нарочно обмотали тонким шерстяным шнурком, чтобы не резал слух.

Внутри было прохладно, пахло машинным маслом, кедровой стружкой, растертой канифолью и остывшим травяным взваром. Вдоль стен тянулись сотни крошечных деревянных ящичков с медными ручками-скобами. На полках тикали, щелкали и мерно покачивали маятниками странные приборы: настольные часы с водяным колесом, механические светильники на шарнирах, пружинные весы и медные трубки, уходящие куда-то под потолок.

За длинным верстаком сидел мужчина.

На вид ему было чуть за тридцать. Высокий, худой, в полотняной серой рубахе с закатанными до локтей рукавами и плотном кожаном фартуке, нагрудный карман которого оттягивали узкие щипцы, отвертки и костяная мерная линейка. Темно-русые волосы были небрежно стянуты на затылке кожаным ремешком, а на лоб была сдвинута медная лупа с тремя сменными стеклами.

Он даже не поднял головы, когда я вошла. В его длинных, испачканных графитом пальцах дрожал тонкий стальной щуп, которым он осторожно поправлял пружину в разобранном настольном хронометре.

— Если вы по поводу каминного поддувала с термостатом, госпожа, то сплав еще не остыл, — произнес он спокойным, чуть хриплым голосом, не отрываясь от работы. — Приходите после вечернего колокола. Если по поводу дверного доводчика для лавки травника — возвратная пружина требует повторного закаливания, сталь оказалась с избытком серы.

— Я не насчет поддувала, — сказала я, останавливаясь у края верстака.

Под моими кедами тихо скрипнула чистая сосновая стружка. Верстак был завален инструментами, но в этом хаосе чувствовался железный, въевшийся в привычку порядок: каждый напильник лежал на своей замшевой полоске, коробочки с крошечными винтами были расставлены по номерам, а медная стружка аккуратно сметена в жестяной лоток.

Мужчина наконец зафиксировал пружину, отложил щуп, сдвинул лупу с глаз на макушку и посмотрел на меня.

Глаза у него оказались темно-ореховыми, очень внимательными и какими-то устало-терпеливыми, какие бывают у деревенских часовщиков или школьных учителей физики. Он окинул взглядом мой ситцевый сарафан в ромашку, серый рабочий фартук, растоптанные кеды и задержался на лице.

— Чужеземка, — констатировал он без всякой неприязни, просто фиксируя факт. — Из лавки на улице Медников. Та самая, которая вчера устроила листопад из оберточной бумаги.

У меня внутри екнуло.

— Вы видели?

— Я забирал листовую латунь у литейщиков, когда по улице понесло ваши обещания стопроцентной вероятности, — он слабо, уголком рта усмехнулся и достал из кармана фартука сложенный вчетверо серый листок. Тот самый, Викиной работы, с жирным словом «ГАРАНТИРОВАННО». — Забавная бумага. С точки зрения прикладной механики — полная бессмыслица. Любая замкнутая система стремится к энтропии, госпожа...

— Надежда, — подсказала я. — Просто Надя.

— Клим, — он кивнул и убрал бумажку обратно. — Мастер прикладных чар третьего круга гильдии ремесленников. Так с чем вы пришли, госпожа Надежда? Вряд ли вам нужно настроить хронометр.

— Вчера к вам приходила барышня, — я положила ладони на верстак, чувствуя пальцами прохладное, пропитанное воском дерево. — Эмма Вайс. Дочь старшины суконщиков. Она приносила кольцо.

Лицо Климa мгновенно переменялось. Вся мягкая усталость слетела, брови сошлись к переносице, а пальцы машинально нащупали на верстаке тяжелый латунный штангенциркуль.

— Вот как, — сухо проговорил он. — Значит, слухи уже дошли до нижних кварталов. И старшина Вайс нанял вас, чтобы обвинить меня в утайке семейной драгоценности?

— Никто вас не обвиняет, — вздохнула я. — Вика, конечно, хотела устроить перекрестный допрос с протоколом, но у нее нога распухла, поэтому пришла я. Нам просто нужно найти кольцо до завтрашнего заката, иначе у девчонки расстроится свадьба, а нас с позором выгонят из города. Расскажите по-человечески, как все было?

Клим помолчал, разглядывая меня с легким прищуром, словно пытался понять, где в моих словах спрятана ловушка. Никакой ловушки не было, и он, видимо, это почувствовал. Штангенциркуль лег обратно на верстак.

— Девушка пришла около четырех, — заговорил он, устало потеряв переносицу. — Плакала. Сказала, перстень велик на два размера, а жених на помолвке непременно заметит, если он будет болтаться на пальце. Я осмотрел изделие. Тонкая работа Торнов: литое белое золото, закрытый каст, цейлонский корунд высокой чистоты. Я объяснил, что резать обод нельзя —

нарушится руническая стяжка на внутренней стороне шинки. Единственный выход — поставить внутреннюю прижимную пружину из платиновой проволоки.

— И?

— Я положил перстень на замшевую подушку вот здесь, — Клим указал на край стола. — Отвернулся к шкафу, чтобы достать калибровочные кольца. Раздался стук. Девушка вскрикнула, уронила бархатный ридикюль, заметалась по комнате. Когда я подошел к столу — перстня на подушке не было.

— И куда он делся?

Клим подошел к стене, на которой висел большой лист плотной бумаги, исчерченный сложными графиками, кругами и стрелками.

— Я работаю над этой задачей со вчерашнего вечера, — совершенно серьезно произнес он, взяв угольный карандаш. — Очевидно, что имело место либо пространственное смещение малой амплитуды, либо перстень соскользнул в одну из щелей пола. Я уже составил координатную сетку помещения. Вот, смотрите: площадь мастерской — тридцать шесть квадратных локтей. Я разбил ее на сектора по половине локтя. В каждом секторе необходимо провести акустический резонансный замер, чтобы исключить падение под половицы...

Я посмотрела на чертеж. Там были формулы. Там были синусоиды. Там были какие-то латинские закорючки и расчет вероятности рикошета от ножки стула.

— Клим, — тихо позвала я.

— Кроме того, — продолжал он, увлекаясь и чертя карандашом новую стрелку, — перстень мог быть втянут восходящим потоком вентиляционной тяги, если при падении активировалась остаточная левитационная руна Торнов. Чтобы это проверить, мне нужно последовательно вскрыть восемьдесят ящиков с фурнитурой, просеять три фунта опилок из сборников и снять нижний кожух вытяжной трубы. По моим расчетам, системный поиск займет около четырех дней...

— Клим, — повторила я громче.

Он остановился с занесенным карандашом, удивленно моргнув:

— Что?

— У нас нет четырех дней. У нас есть двадцать четыре часа.

Я обошла верстак и остановилась возле тяжелого чугунного станка, стоявшего у окна. Станок был старый, добротный, с широким ножным приводом-педалью и двумя войлочными полировочными кругами на валу. Круги были покрыты зеленоватым налетом полировальной пасты. Прямо под ними находился широкий жестяной раструб — сборник металлической пыли и войлочных очесов, сужавшийся книзу в закрытый железный лоток.

— Она здесь стояла? — спросила я, показывая на вытертые доски пола перед станком.

— Да, — нахмурился Клим. — Примерно в полушаге. Но станок был выключен.

— И что, что выключен? — я присела на корточки, заглядывая под чугунную станину. — Смотрите. Верстак гладкий, навощенный, с легким уклоном к окну. Если она махнула своим ридикюлем со стразами, кольцо подскочило. Куда оно полетит?

— Баллистическая траектория свободного падения... — начал Клим, но я перебила:

— В лоток оно полетит. Или рикошетом от кожуха внутрь, прямо к пыли.

Клим покачал головой с легкой, снисходительной улыбкой профессионала, слушающего бред дилетанта:

— Госпожа Надежда, это исключено. Лоток оборудован инерционным ловителем и защитной мембраной с обратным лепестком. Вероятность того, что предмет диаметром более восемнадцати миллиметров преодолеет сопротивление щеток и провалится в накопитель без принудительной тяги, составляет менее половины процента. Это физически невозможно.

— А вы открывали его? — спросила я, поднимаясь и отряхивая колени.

— Чтобы снять нижний кожух, нужно разобрать передаточный узел, выбить две конические шпонки и заново центровать вал, — отчеканил Клим. — Это два часа тонкой механической работы. Я не стану ломать отлаженный станок ради половины процента вероятности. Сначала нужно проверить сектора с первого по шестнадцатый...

Я посмотрела на него. Клим был хорошим парнем. Умным, дотошным, честным — такой не украдет даже ржавый гвоздь. Но он жил в мире своих шестеренок и формул, где вещи падали строго по законам академических трактатов.

А я выросла в деревне, где у дяди Гриши в слесарке стоял точно такой же точильный станок. И все гайки, болты и обручальные кольца, слетавшие с пьяных пальцев деревенских мужиков, всегда находились в одном и том же месте — в грязном жестяном ведре под наждаком. Потому что круг крутится, воздух тянет, а железо падает вниз, а не по синусоиде.

— Давайте так, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Вы разбираете кожух. Прямо сейчас.

— Я уже сказал: это нерациональная трата времени...

— Если кольца там нет, — твердо перебила я, — я остаюсь здесь до полуночи. Отмою весь ваш керосин с верстаков, вымету стружку, переберу все восемьдесят ящиков с винтиками по размеру и перестираю всю вашу промасленную ветошь в зольном щелоке. Бесплатно.

Клим замер. Его темно-ореховые глаза округлились.

— Вы... серьезно?

— Абсолютно, — я протянула ему ладонь. — Руки у меня рабочие, мыла я не боюсь. Но если оно там — вы не берете с меня денег за разбор станка и подписываете свидетельство для гильдии. По рукам?

Мастер посмотрел на мою протянутую руку — небольшую, крепкую, с коротко остриженными чистыми ногтями. Помедлил секунду, словно взвешивая на невидимых рычажных весах безумие моего предложения и перспективу получить бесплатную генеральную уборку мастерской.

Затем коротко усмехнулся и сжал мою ладонь своей широкой, сухой и мозолистой рукой:

— По рукам, госпожа Надежда. Готовьте фартук.

Он снял со стены два тяжелых медных ключа и вороток.

Следующие двадцать минут Клим Тарен работал молча, быстро и с той завораживающей точностью, на которую способны только настоящие мастера. Ни одного лишнего движения. Звякнули открученные болты, аккуратно легли на чистую тряпицу медные шайбы, со звонким щелчком поддалась коническая шпонка. Клим ослабил приводной ремень, потянул на себя нижнюю часть тяжелого жестяного раструба и с глухим скрежетом выдвинул поддон.

Поддон был полон серой, жирной войлочной пыли вперемешку с мелкой медной стружкой и засохшей пастой.

— Ну вот, — вздохнул Клим, вытирая тыльной стороной ладони вспотевший лоб, отчего на коже осталась полоса сажи. — Как я и говорил. Плотный слой очеса. Если бы перстень упал сюда, он деформировал бы верхнюю корку...

Я не стала слушать про деформацию корки.

Я просто сунула пальцы прямо в серую войлочную грязь у задней стенки лотка, возле самого закругления вытяжного патрубка. Там, где воздушный вихрь от вращающегося круга должен был создавать маленькую, незаметную мертвую зону.

Пальцы наткнулись на что-то твердое, холодное и гладкое.

Я потянула на себя.

Серая пыль осыпалась. На моей испачканной графитом ладони вспыхнул ослепительный, глубокий, васильково-синий огонь.

Тяжелое белое золото оправы. Изумительной чистоты пятикаратный сапфир, в глубине которого переливались крошечные лазурные искры. И тонкая, витая гравировка верности по внутреннему ободу, не забитая даже вековой пылью станков.

В мастерской повисла такая тишина, что стало слышно, как в углу капает вода в часах.

Клим застыл с гаечным ключом в руке. Его челюсть медленно, сантиметр за сантиметром, поползла вниз. Он перевел взгляд с перстня на пустой раструб, потом на свой график на стене, потом снова на мою ладонь.

— Это... — сипло выдавил он, судорожно сглотнув. — Но как?... Воздушный карман? Обратный рикошет от крепежного болта кожуха? Но вероятность такого отскока... один к четырём тысячам! Это математический абсурд!

— Это не абсурд, Клим, — улыбнулась я, осторожно вытирая сапфир краешком фартука. — Это просто круглая вещь и наклонная труба. Они всегда друг друга находят.

Он медленно опустился на деревянный табурет, не сводя с меня ошеломленных глаз. Вся его строгая академическая наука только что дала трещину толщиной в палец перед обычной девчонкой в парусиновых кедах.

— Кто вы такая? — тихо спросил он, и в его голосе не было страха — только жадный, ненасытный интерес исследователя, столкнувшегося с невозможным физическим явлением. — Вы... вы чувствуете распределение вероятностей? Вы маг притяжения?

— Я завхоз, — честно призналась я. — И немного логист. Где у вас тут бумага, чтобы расписаться?

Госпожа Лилиан Вайс плакала второй раз за два дня, но теперь это были слезы чистейшего светского спасения.

Она приняла перстень прямо в своей карете у ворот Золотого моста, дрожащими руками прижала бархатную коробочку к груди и, не глядя, отсчитала Виктории Сергеевне обещанные пятнадцать серебряных грошей поверх утреннего аванса.

Вика держалась как королева на коронации. Она небрежно спрятала монеты в потайной карман, снисходительно кивнула знатной даме и подала ей нашу деревянную дощечку с реестром.

Гербовая печать дома Вайс легла во вторую строку ровно, жирно, запечатывая заказ без единого нареkania.

Два из семи.

Когда карета суконщиков скрылась за поворотом, Вика медленно повернулась ко мне. Глаза ее торжествующе блестели, спина была прямой, как струна, а хромоту она мастерски маскировала неторопливой походкой победителя.

— Надя, — торжественно произнесла она, положив руку мне на плечо. — Мы сделали это. Без единого нарушения гильдейского кодекса. Чистая прибыль — двадцать грошей. Мы купим тебе нормальные ботинки, мне — приличное шерстяное платье, а на сдачу найдем плотника починить витрину.

— Плотника нанимать не надо, — раздался сзади спокойный знакомый голос.

Мы синхронно обернулись.

По мосту к нам шел Клим Тарен. Он снял фартук, надел простую темную куртку из добротного сукна, а через плечо у него висел тяжелый кожаный саквояж, из которого торчали рукояти инструментов и медные трубки.

Вика мгновенно подобралась, ее брови взлетели вверх:

— Господин Тарен? У вас есть претензии к процедуре передачи найденного имущества?

Клим даже не посмотрел на ее грозную позу. Он подошел к нам, вежливо тронул пальцами поля мягкой фетровой шляпы и перевел взгляд на меня:

— Претензий нет. Акт закрыт, пошлина в гильдию уплачена. Но я шел за вами от самых ювелирных рядов и видел входную дверь вашей лавки на улице Медников.

— И что с ней не так? — с подозрением прищурилась Вика.

Клим тяжело, сокрушенно вздохнул, и на его лице снова появилось то самое выражение физической боли, с которым он смотрел на кривые графики:

— Нижняя петля просела на полдюйма. Косяк перекошен, коробку повело от сырости, а щеколда держится на ржавом гвозде без упорной планки. С точки зрения механики этот замок не просто бесполезен — он технически оскорбителен для любого, кто хоть раз держал в руках напильник.

Он перехватил поудобнее ремень саквояжа, в котором мелодично звякнуло железо, и невозмутимо добавил:

— Я иду с вами. Я переберу вам петли, врежу нормальный бронзовый ригель и заодно посмотрю, как работает ваша система на улице. Денег за работу не возьму. Но вы нальете мне того странного горького взвара с ягодами, о котором госпожа Надежда рассказывала в мастерской.

Вика медленно перевела взгляд с Клим на меня, потом на его саквояж с инструментами, в котором лежал как минимум недельный бюджет на ремонт.

— Цикорий? — тихо уточнила она одними губами.

— Цикорий, — кивнула я, пряча улыбку. — У нас еще полбанки осталось. Пошли, мастер Клим. Заодно ступеньку на крыльце посмотрите, она там тоже какая-то... оскорбительная.

Глава 7

Виктория

Когда мастер говорит: «Денег за работу не возьму», нормальный человек слышит слово «бесплатно» и радуется.

Я слышу слово «обязательство» и немедленно начинаю считать, чем именно за него придется расплачиваться.

К вечеру шестого дня стало ясно: Клим Тарен расплачивается сам. Своими нервами.

Он снял старую дверь, потому что та висела на одной петле и держалась в закрытом состоянии исключительно силой привычки. Выкинул половину гнилых досок с крыльца. Подпер печную трубу железным хомутом, который, по его словам, «должен был стоять здесь еще при жизни предыдущего владельца». Потом обнаружил под прилавком две сгнившие лаги и следующие три часа ходил по лавке с лицом хирурга, которому привезли пациента после драки с мельницей.

Надя таскала ему воду, глину, гвозди и цикорий. Я составляла смету будущих расходов и старалась не смотреть на строку «ремонт помещения», потому что она росла быстрее нашего клиентского реестра.

Утром седьмого дня новая дубовая дверь еще лежала на козлах, а Клим строгал для нее косяк, когда в проеме возник инспектор Радан Вейр.

Он постучал по голой притолоке костяшками пальцев.

— Войти можно или вход пока считается строительным отверстием?

Я подняла голову от стола. На мне было темно-синее шерстяное платье, купленное вчера на Верхнем рынке за сумму, которую я предпочитала не произносить вслух при Наде. После пяти дней в усевшемся московском костюме и туфлях, переживших фонтан, рынок и квартал ювелиров, нормальная одежда ощущалась стратегическим вложением в репутацию.

— Инспектор Вейр, — улыбнулась я. — Как приятно видеть представителя городской власти, который приходит до того, как у нас что-нибудь загорелось.

— У вас уже ничего не должно загораться, — сухо ответил он и шагнул через порог. — Я пришел именно за этим.

Надя поставила на край верстака кружку. — Доброе утро, Радан. Цикорий будете? С мятой.

Инспектор посмотрел на нее, потом на черный напиток, потом на Клим, который даже не обернулся от косяка.

— После осмотра.

— Значит, будете, — заключила Надя и ушла к печке ставить воду.

Я выпрямилась. — Осмотра чего именно?

Радан достал из-под мышки деревянную планшетку, отщелкнул металлический зажим и развернул лист плотного серого пергамента.

— Помещения, в котором ведется торговая деятельность. В канцелярию поступили два сообщения: о падении вывески в день открытия и о травмоопасном состоянии крыльца. Кроме того, вчера я получил копию вашей временной грамоты. Она действительна. Дело вы ведете законно. А вот помещение пока выглядит так, будто само намерено подать на вас жалобу.

Я медленно сложила руки на груди. — Кто сообщил о вывеске?

— Половина улицы Медников.

— А о крыльце?

— Вторая половина.

Клим наконец оторвался от рубанка. — Ступень заменю сегодня.

— Я вижу, мастер Тарен.

Радан прошел в зал, не оглядываясь праздно — фиксировал. Провел пальцами по рас-трескавшемуся краю подоконника. Проверил, как сидит железная заслонка печи. Надавил сапогом на половицу у прилавка. Заглянул под лестницу, где я предусмотрительно велела Наде сложить мешки с сухой стружкой ровной стопкой, а не тем гнездом, в котором они валялись вчера.

Я пошла рядом. — Если вас беспокоит ответственность перед городом, могу сразу снять часть вопросов. Мы не храним горючих масел, не используем открытый огонь вне печи, клиенты не допускаются в рабочую зону без сопровождения, а любые выезды по делам оформляются через гильдейский реестр. Два заказа закрыты официально. Ни одной претензии.

— Я умею читать реестр, госпожа Соколова.

— Тогда вы понимаете, что закрывать действующее предприятие из-за трещины в штукатурке было бы непропорционально.

— Трещина в штукатурке меня не волнует.

Он поднял глаза. Над нами висела старая дубовая полка — единственная, которую Клим еще не успел снять. На ней стояли пустая банка из-под кофе, моток бечевки, две жестяные кружки и деревянная коробка с гвоздями.

Полка заметно провисала посередине.

Я тоже посмотрела вверх. — Это временно.

— Согласен.

Радан сделал пометку грифелем. — Вопрос только в том, что случится раньше: мастер Тарен ее снимет или она выберет себе клиента.

Я почувствовала, как улыбка становится чуть жестче. Очарование на нем не работало. Давление не работало. Намек на успешный бизнес не работал. Даже профессиональная терминология, которая обычно заставляла чиновников хотя бы на минуту задуматься, здесь ударялась о серые глаза и падала на пол мертвой. Раздражающе качественный человек.

— Хорошо, — сказала я. — Давайте без театра. Что именно требуется, чтобы лавка продолжила работу?

Он посмотрел на меня внимательнее. И это был первый раз за весь разговор, когда в его лице что-то изменилось. Не потеплело. Просто перестало ждать очередного фокуса. — Вот теперь можно говорить.

Радан положил планшетку на прилавок.

— Я не закрываю вас сегодня. Оснований нет: грамота действительна, открытых претензий нет, непосредственной угрозы на улице вы не создаете. Но внутри помещения я насчитал шестнадцать нарушений безопасности.

— Шестнадцать? — переспросила Надя от печки.

Клим тяжело вздохнул, как человек, чьи худшие подозрения подтвердились документально.

— Я насчитал восемнадцать.

Я повернулась к нему. — Клим.

— Два не входят в компетенцию городской торговли. Это мои личные претензии к плотнику.

Радан продолжил, будто нас не слышал:

— Печная труба. Порог. Две половицы. Отсутствие ограждения у лестницы. Ненадежное крепление верхней полки. Разбитое стекло в боковой раме. Дверной замок. Выход во двор. Хранение инструмента на проходе. И еще семь пунктов, которые вы получите списком.

Он оторвал узкий лист от протокола и протянул мне. Я пробежала глазами строки. — Три дня, — сказала я.

— Три дня на полный ремонт. Опасные пункты — печь, дверь, лестница и то, что висит над головами — должны быть устранены к завтрашнему полудню. Если нет, помещение временно опечатают до завершения работ. Остальное — к концу третьего дня.

— То есть вы признаете, что наш бизнес законен и может продолжать работать во время ремонта.

— Я уже это сказал.

— Мне нравится фиксировать важные формулировки.

— Я заметил.

Я взяла грифель с прилавка и на обороте его списка быстро набросала три колонки: «сегодня», «до контрольного осмотра», «до полного срока».

Надя подошла ближе и заглянула через мое плечо.

— Печь сегодня. Ступень сегодня. Дверь Клим уже делает. Полку снять прямо сейчас.

— Не прямо сейчас, — мрачно отозвался Клим. — Я держу косяк на сухой посадке. Если брошу, его поведет.

— Тогда через час.

Я ткнула грифелем в пункт про лестницу. — Ограждение можно заказать у кузнеца.

— Дерево быстрее, — сказал Клим. — Я сделаю.

— Стекло?

— Есть круглая заготовка у стекольника за Рыбным рядом. Вчера видел.

Я подняла глаза на Радана. — Итого: к завтрашнему полудню опасные пункты закрыты. Через три дня — весь список. Взамен вы не мешаете нам принимать клиентов и не используете ремонт как предлог для дополнительных ограничений.

— Это не торг.

— Любой регламент — торг между риском и возможностью работать.

— Нет. Регламент — это список того, что вы обязаны сделать, чтобы людям на голову не падали ваши полки.

— Какая скучная трактовка.

— Зато полки остаются на стенах.

Надя фыркнула в кружку.

Я сделала вид, что не услышала.

— И еще одно, — сказал Радан.

— Разумеется.

— Ваши рекламные обещания не входят в мою компетенцию, пока не превращаются в угрозу. Но если еще одна демонстрация перекроет проезд, разобьет фонарь или заставит толпу полезть под колеса, временная грамота вам не поможет.

Я приподняла бровь. — Вы отслеживаете нашу рекламу?

— Я отслеживаю то, после чего мне приходится вызывать рабочих с метлами.

— Это почти профессиональный интерес.

— Это уборка улиц, госпожа Соколова.

Нет, очарование на нем действительно не работало.

И, что было хуже всего, меня это почему-то веселило.

Радан взял со стола свою планшетку. — Я проверю исполнение по сроку.

— Мы будем готовы.

— Я надеюсь.

Он уже сделал шаг к выходу, когда Надя протянула ему кружку с цикорием. — А это вы обещали после осмотра.

Инспектор остановился, посмотрел на кружку так, будто она была частью неучтенного регламента, потом взял и сделал глоток. — Горько.

— Зато горячо, — сказала Надя.

— С этим спорить не буду.

Клим вдруг поднялся от косяка. — Господин Вейр, задержитесь на минуту. Мне нужен второй человек, чтобы поставить коробку двери по отвесу. Надежда держит клинья, я не могу одновременно тянуть верхнюю стяжку.

Я ожидала отказа. Чиновник, инспектор, меч на боку — и строительная пыль.

Радан молча снял форменный плащ, аккуратно повесил его на спинку стула и взялся за дубовую стойку там, куда показал Клим.

— Здесь?

— На полпальца выше. Да. Держите.

Следующие двадцать минут я наблюдала редкую картину: городской инспектор торговой безопасности стоял посреди нашей полуразрушенной лавки, удерживая тяжелый дверной косяк, Клим с яростью перфекциониста загонял деревянные клинья, Надя поливала глину водой, а я пыталась одновременно вести учет ремонта и не думать о том, насколько абсурдно уютно все это выглядит.

Когда коробка встала на место, Радан надел плащ. — Завтра проверю ход двери.

— Она будет открываться одним пальцем, — уверенно сказал Клим.

— Тогда у меня останется пятнадцать причин быть недовольным.

— Четырнадцать, — поправил мастер. — Трубу я закончу к вечеру.

Радан кивнул ему с тем уважением, которое мужчины почему-то умеют выражать одним движением подбородка, и вышел.

Я вернулась к столу. — Итак. Шестнадцать пунктов. Три дня. Два закрытых заказа. Нам нужен третий клиент до того, как ремонт съест весь рабочий график.

— Сначала полка, — сказала Надя.

— Надя, полка подождет десять минут. Я хочу пересчитать кассу и понять, сколько мы можем потратить на материалы.

Я села на единственный приличный стул под стеной, положила список Радана на колени и начала складывать цифры.

Клим что-то сказал из-за спины. Я не расслышала.

— Что?

— Я сказал: встаньте.

— Зачем?

— Мне нужен этот стул.

— Клим, я занята.

— Госпожа Соколова.

В его голосе было столько мрачной обреченности, что я все-таки поднялась. Заодно шагнула к окну: по мостовой как раз пробежал мальчишка с почтовой сумкой, и я хотела проверить, не к нам ли. Сделала два шага к прилавку и раздраженно обернулась.

Клим подхватил стул, собираясь поставить его под старую полку. В ту же секунду из стены вылетел верхний ржавый костыль. Полка сначала медленно накренилась, словно еще раз обдумывала решение. Потом дубовая плаха вместе с банкой, гвоздями и двумя жестяными кружками рухнула точно туда, где секунду назад находилась моя голова. Стул разлетелся на три части. Банка из-под кофе покатилась по полу и с тихим металлическим звоном остановилась у моей туфли.

Надя молча посмотрела на обломки. Клим закрыл глаза.

Я очень медленно перевела взгляд на лежащий поверх щепок список Радана. Пятый пункт: «ненадежное крепление верхней полки». — Ни слова, — предупредила я.

— Я ничего, — сказала Надя и отвернулась к печке. Плечи у нее подозрительно тряслись.

Я подняла с пола лист, стряхнула древесную пыль и жирно зачеркнула пятый пункт. — Один готов, — сказала я. — Осталось пятнадцать.

Глава 8

Надя

Клим Тарен работал так, будто чинил не старую лавку на улице Медников, а ходовой механизм королевских башенных курантов.

Он снял куртку, оставшись в серой рубаше с закатанными рукавами, зажал в зубах пару медных гвоздей с широкими шляпками и сосредоточенно водил рубанком по ребру новой сосновой полки. Стружка вылетала из-под лезвия ровная, полупрозрачная, пахнущая смолой и свежим лесом. На полу у верстака уже выросла аккуратная кудрявая горка.

— Полтора миллиметра кривизны по горизонту, — не вынимая гвоздей изо рта, глухо проговорил он. — Прежний плотник, судя по спилу, работал топором в темноте и в состоянии тяжелого похмелья.

— Старый жестянщик тут жил, — сказала я, сдувая соринку с глиняной кружки. — Ему полки были без надобности, он все ведрами на полу держал. Ты цикорий пей, пока пенка не опала. Я туда сушеной мяты бросила, на подоконнике в пучке нашла.

Клим отложил рубанок, вынул гвозди, аккуратно положил их на верстак рядом с молотком и принял кружку двумя руками. Пальцы у него были длинные, сильные, с вьёвшейся под ногти темной полировальной пастой, но брал он посуду удивительно бережно, словно хрустальный кубок.

— Мята — это хорошо, — сказал он, сделав глоток. — Мята снижает спазм сосудов. Инспектор Вейр вчера оставил шестнадцать пунктов нарушений. Если мы не уложимся в три дня, он опечатает вход дубовой колодкой с гербовым сургучом. Шестнадцать пунктов, Надежда. Включая зазор под порогом и угол наклона печной трубы.

— Уложимся, — спокойно ответила я, подметая веником крупный сор к двери. — Ты двери вчера навесил? Навесил. Закрываются одним пальцем, даже не щелкают. Печку сегодня обмажем глиной, щели затрем. Радан — он строгий, конечно, но справедливый. Ему же не покуражиться надо, а чтобы на людей ничего не падало.

— Полка упала, — напомнил Клим, глядя на пустую стену, где еще вчера висела разошедшаяся дубовая плаха, чуть не прибившая Викторию Сергеевну.

— Так упала же мимо, — возразила я. — Вика за секунду до того встала поглядеть, не идет ли почта.

Со второго этажа послышался сухой, мерный стук.

Виктория Сергеевна ходила по комнатке из угла в угол, наматывая километры. На ней было купленное на Верхнем рынке темно-синее шерстяное платье — простое, без вышивки, но скроенное так строго и сидевшее по фигуре так безупречно, что торговки на улице невольно подбирали животы, когда она выходила на крыльцо. На ногах у Вики красовались мягкие кожаные туфли на крошечном наборном каблучке, а в руках она держала нашу деревянную дощечку с реестром, в которой чернели две аккуратные сургучные печати.

«Два из семи, — бубнила она наверху через щелястый потолок. — Осталось пять. Девятнадцать дней. Ремонт съедает операционное время. Если мы не перехватим поток клиентов до обеда...»

Дверной колокольчик, обмотанный Климом тонкой шерстинкой, мягко звякнул.

В лавку влетел человек. Не зашел — именно влетел, зацепившись плечом за новенький притолочный брус и едва не вышибив локтем свежеструганый наличник.

— Где они?! — сипло, задыхаясь, прохрипел вошедший. — Где эти чужеземные девки, которые потерянные перстни из навоза достают?!

Я оперлась на ручку веника и оглядела гостя.

Мужчина был немолод, широк в кости, в бархатном камзоле винного цвета с серебряным шитьем по вороту. Камзол был расстегнут, кружевное жабо сбилось набок, а с багрового, вспотевшего лица градом катился пот, оставляя дорожки на напудренных щеках. В руках он сжимал пустой шелковый повод с оборванной золоченой кистью.

Со скрипучей лестницы, бесшумно и величаво, как фрегат под парусами, спустилась Виктория Сергеевна.

— Лавка непредвиденных обстоятельств приветствует достойного заказчика, — произнесла она грудным, бархатным голосом, в котором не было ни грамма утренней паники. — Виктория Соколова, ведущий эксперт. Что привело вас к нам в столь ранний час?

Мужчина судорожно глотнул воздух, прижал кулак к груди и с грохотом опустил пустой повод на наш чисто вымытый дубовый прилавок:

— Позор! Свадьба через два часа! Старший сын берет дочь старшины гильдии кожевников! Полторы сотни гостей у ворот храма Святого Руперта! А Матильда... эта проклятая рогатая тварь перемахнула через плетень и унеслась в сторону Нижних складов!

Клим за верстаком медленно поднял голову:

— Матильда? Белая ангорская коза из поместья мастера Бренно?

— Она самая! — взвыл купец, вцепившись пальцами в свои нафабранные усы. — Обрядовая свадебная коза! Рога золочены сусальным листом, на шее ожерелье из речного жемчуга и родовая лента невесты! Без нее жрецы не начнут обряд благословения очага! Если козу не приведут к полуденному колоколу, сват заберет приданое обратно, а кожевники ославят наш дом на весь город!

Вика мгновенно подобралась. Глаза ее хищно блеснули, правая бровь пошла вверх.

— Животное похищено с целью выкупа? Конкуренты жениха?

— Да какой выкуп, дура ты городская! — взмолился купец, не обратив внимания на ледяной прищур Вики. — Девка дворовая ворота не заперла, несла корыто с отрубями, а Матильда как сиганет! Она ж бешеная, когда грозу чувствует! Бежит быстрее степного жеребца! Мои молодцы за ней полчаса по переулкам гонялись — только ленты на заборах ободрали!

Вика развернула к нему деревянную дощечку:

— Десять серебряных грошей за срочный розыск и возврат объекта в пределах часа. Официальный гильдейский договор. Ваше имя, господин заказчик?

— Герхард Бренно, купец второй гильдии! — он выхватил грифель и так нажал на дерево, что грифель хрустнул. — Двадцать дам! Тридцать, если до колокола успеете! Только верните скотину!

Купец выскочил на улицу, оставив за собой густой запах розовой воды, пота и отчаяния.

Вика повернулась ко мне. На щеках у нее горел боевой румянец.

— Надя, диспозиция ясна. Животное крупное, белое, с позолоченными рогами и жемчугом. В городе такое не спрячешь. Клим, где ближайший тупик в секторе Нижних складов?

Клим медленно стер тряпицей стружку с рубанка:

— Там нет тупиков. Там лабиринт кожевенных сушилен, спуск к реке и старый скотный рынок. Если коза испугана, она пойдет вдоль глухих заборов, где меньше шума.

— Отлично, — скомандовала Вика, застегивая манжеты. — Мы берем перекресток у Кожевенного моста. Надя, ты перекрываешь выход к причалам. Клим, если можешь...

— Я заканчиваю крепить среднюю балку, — негромко прервал ее мастер. — До контрольного срока по опасным пунктам осталось пять часов. Если я брошу стамеску, полка упадет второй раз, и на этот раз прямо на инспектора Вейра.

— Разумно, — согласилась Вика. — Надя, за мной. Бегом.

Бегать за козой по чужому городу — занятие, глубоко бессмысленное с точки зрения любого человека, выросшего в деревне.

Виктория Сергеевна этого, разумеется, не понимала. Она руководила спасательной операцией так, будто мы загоняли вооруженную банду в спальном районе Москвы.

— Сюда! — кричала она, придерживая подол нового темно-синего платья и неловко ступая по скользким от мокрой щепы булыжникам. — Подмастерье у красильни сказал, что она свернула в Овчинный переулок! Отрезай ее справа! Я зайду от арки!

Мы неслись по кривым, вонючим улочкам кожевенного квартала уже добрых сорок минут.

Пахло здесь едко и тяжело: дубильной корой, сырыми шкурами, тухлым яйцом и известью. На длинных деревянных жердях под навесами сушились сотни серых и бурых кож, хлопавших на сквозняке, как крылья летучих мышей.

Матильда мелькала впереди регулярно. Она действительно была чисто-белой, крупной, с роскошной лоснящейся шерстью и ярко блестящими на солнце золочеными рогами. На одном роге сиротливо болтался обрывок шелковой розовой ленты. Коза скакала по мостовой с грацией горного барана, цокая копытами, сшибала ведра с известью, дразнила привязанных цепных псов и каждый раз, когда Вика вылетала из-за угла с растопыренными руками, издавала издевательское: «М-э-э-э!» — и с легкостью перемахивала через очередной штабель досок.

— Стой, скотина! — задыхаясь, прошипела Вика, привалившись к бревенчатой стене кожевенного сарая.

Новое шерстяное платье было густо заляпано желтой известковой пылью. Волосы выбились из строгого пучка и прилипли к взмокшему лбу. Тонкий каблук левой туфли застрял между двумя бревнами настила, и Вике пришлось с силой дернуть ногой, чтобы освободиться.

— Вика, остановись, — сказала я, подходя к ней ровным шагом. Я даже дыхание не сбила, потому что сразу шла быстрым, но размеренным шагом, экономя силы. — Ты ее пугаешь.

— Мы... мы теряем контракт! — прохрипела начальница, хватаясь за бок. — До полудня сорок минут! Если мы ее не поймает, купец пойдет в гильдию и подаст официальную претензию за срыв сроков! Надя, это первая открытая жалоба! Нас закроют до вечера!

Вдали, над черепичными крышами города, глухо и предостерегающе ухнул первый колокол ратуши.

Один удар. До полудня оставалось полчаса.

Коза в этот момент стояла в конце узкого тупика, упиравшегося в глухой трехметровый забор бондарной мастерской. Она щипала пучок пыльного дорожника, росший из щели в фундаменте, и лениво помахивала куцым хвостом. Золоченные рога тускло поблескивали.

— Вот она, — прошептала Вика, и глаза ее снова зажглись нехорошим, отчаянным огнем. — Выхода нет. Забор сплошной. Мы зажмем ее вдвоем. Я беру слева, ты прыгаешь справа. Накидывай фартук на голову!

— Не буду я прыгать, — спокойно ответила я.

— Что?! — Вика уставилась на меня с таким видом, будто я только что призналась в государственной измене. — Морозова, ты с ума сошла?! Это тридцать грошей и третья печать в реестре!

— Если ты сейчас на нее дернешься, она сиганет через тот штабель бочек, — я показала подбородком на аккуратную пирамиду пустых пивных бочонков у забора. — Сломает себе ногу или тебе ребра. Коза — животное упрямое. Чем сильнее давишь, тем дальше она прет.

— И что ты предлагаешь?! Сесть и ждать, пока нас вышлют за городские ворота?!

— Предлагаю перестать за ней гоняться, — отрезала я.

Я полезла в глубокий карман своего серого передника. Там лежала краюха свежего ржаного хлеба, которую я утром прихватила со стола, и щепотка крупной серой соли, завернутая в тряпицу. Я отломилась добрую четверть горбушки, щедро посыпала ее солью, растерла пальцами, чтобы выступил пахучий хлебный дух, и опустилась прямо на замшелое бревно у стены сарая.

— Надя! — в голосе Вики зазвенели слезы чистой ярости. — Ты сидишь?! Колокол бьет!

— И ты сядь, — вздохнула я. — Ногу вытяни, а то опять связку потянешь. И помолчи две минуты.

Коза между тем перестала жевать подорожник.

Она повернула узкую морду с желтыми горизонтальными зрачками в нашу сторону, шевельнула большими белыми ушами и втянула ноздрями воздух. Запах свежего ржаного хлеба с солью в сыром кожевном квартале был для травоядного создания чем-то вроде запаха шашлыка для голодного студента.

Матильда сделала осторожный шаг. Копытца сухо цокнули по камню.

Вика рядом со мной замерла, боясь вздохнуть, но пальцы ее судорожно сжались на подоле платья.

Коза подошла ближе. Вытянула шею, шумно понюхала мою протянутую ладонь, фыркнула, обдав пальцы горячим влажным воздухом, и аккуратно, мягкими теплыми губами слизала хлебную горбушку вместе с солью.

Я не стала хватать ее за рога. Я просто тихонько почесала ее за ухом — там, где кожа была тонкой и чесалась от налипшей паутины. Коза довольно зажмурилась и потерлась головой о мое колено.

— Хватай повод! — свистящим шепотом приказала Вика.

— Подожди, — нахмурилась я.

Матильда вдруг дернула головой, отступила на шаг и тревожно заблеяла: тонко, жалобно, совсем не так нагло, как во время погони. Она повернулась к забору, пробежала несколько шагов к штабелю бочек, оглянулась на меня и снова топнула копытцем.

«М-э-э-э!»

— Чего это она? — нахмурилась Вика, поднимаясь с бревна. — Наелась и опять дразнит?

— Нет, — я встала, отряхивая передник. — Она не дразнит. Она зовет.

— Кого зовет?! Нам к храму надо, в противоположную сторону!

Матильда юркнула в узкую щель между штабелем бондарных клепок и старой замшелой стеной заброшенного сарая. Оттуда доносилось глухое шуршание и тихое, прерывистое всхлипывание.

Я пошла за ней, протискиваясь в узкий проход. Вика, ругаясь сквозь зубы и обдирая шерстяные рукава о щепки, протиснулась следом.

За штабелем открывался крошечный, заросший крапивой дворик, куда выходило полуподвальное окно старой дубильни. Деревянная решетка окна была выломана, а в сырой каменной яме приямка, среди прошлогодней прелой листвы и битого кирпича, сидел ребенок.

Мальчик лет пяти, в бархатном изумрудном кафтанчике, расшитом жемчугом, и в шелковых штанишках, насквозь промокших на коленях. Кафтанчик был разорван на плече, щеки перемазаны сажей и слезами, а сам малыш сжимал в кулачке золоченую ленту от козьего рога и тихо, безнадежно хныкал.

Матильда подошла к краю ямы, опустила голову и мягко ткнулась носом в замурзанный лоб мальчика.

— Тетка... — всхлипнул ребенок, поднимая на меня заплаканные серые глаза. — Ножка болит. Я за Матильдой бежал... она ленту унесла, а я упал. Тут темно.

Вика за моей спиной шумно, со свистом втянула воздух:

— Господи... Это же младший Бренно. На свадебном выезде говорили — хозяйский любимец, паж невесты. Его час назад потеряли, думали, в карету сел!

Она бросила взгляд на небо. До полудня оставалось от силы пятнадцать минут. Мы были на самом краю Нижнего квартала. Дойти до храма Святого Руперта с хромым ребенком на руках за это время было физически невозможно. Никакая скорость шага нас не спасала.

Мы опаздывали.

— Претензия, — тихо сказала Вика, и лицо ее стало совершенно серым. — Мы не успели к сроку. Заказ аннулируют.

Я не стала спорить. Я перешагнула через крапиву, прыгнула в приямок — благо там было не больше метра глубины, — и бережно подняла мальчика на руки. Он был легким, пах сливочной помадкой и сыростью, и тут же доверчиво уткнулся мокрым носом мне в шею, обхватив ручонками за плечи.

— Держись крепче, паж, — сказала я. — Лодыжку вывихнул, сейчас доктора найдем.

Я выбралась обратно, свободной рукой перехватила обрывок шелкового повода Матильды. Коза покорно пошла рядом, даже не пытаясь брыкаться, и время от времени тыкалась носом в свисавшую ножку мальчика.

— Пошли, Вика, — сказала я. — Какая разница, сколько колокол набьет. Ребенка матери вернуть надо.

Вика молчала всю дорогу.

Она шла рядом, хромая на ушибленную ногу, сжимая в кармане бесполезную деревянную дощечку, и смотрела прямо перед собой. Когда над городом густо и торжественно загремел полуденный колокольный звон, возвещая начало двенадцатого часа, ее плечи лишь едва заметно дрогнули, но спину она не согнула.

На площади перед храмом Святого Руперта стоял стон.

Гости в бархате и парче толпились у резного портала, жрецы в белых стихарях недовольно хмурились на ступенях, а купец Герхард Бренно стоял посреди мостовой на коленях, обхватив голову руками. Рядом с ним голосила пышная дама в парчовом чепце — мать семейства.

Невеста в белом покрывале сидела на скамье у паперти и горько плакала в кружевной платок: свадьба была сорвана.

— Пустите! — раздался в толпе чей-то крик. — Глядите, идут!

Толпа колыхнулась и расступилась так быстро, будто по мостовой катилась бочка с порохом.

Мы вышли на середину площади.

Картина, должно быть, была впечатляющая: взъерошенная Виктория Сергеевна в пыльном шерстяном платье и с лицом оскорбленной королевы; я — в простом холщовом переднике, с чужим нарядным ребенком на руках; и белоснежная Матильда, важно вышагивающая рядом и помахивающая золочеными рогами.

— Пауль! — истошно взвизгнула купчиха, подбирая юбки и бросаясь к нам через ступени. — Сыночек! Живой!

Она выхватила мальчика из моих рук, прижала к груди, заливая слезами его изумрудный кафтанчик. Малыш забормотал про яму, темный сарай и Матильду, которая лизала ему нос, чтобы он не плакал.

Купец Бренно медленно поднялся с колен. Лицо его дрожало. Он перевел взгляд с сына на козу, потом на нас с Викой.

— Вы... — голос купца сорвался на фальцет. — Вы его нашли? В старых сушильнях? Мы же весь Верхний берег перерыли, думали, цыгане украли!

Вика шагнула вперед, расправила плечи и произнесла ледяным, безукоризненно ровным голосом:

— Лавка непредвиденных обстоятельств приносит извинения за десятиминутное нарушение контрольного срока доставки обрядового животного. В связи с непредвиденным спасением младшего члена семьи заказчика мы готовы принять претензию и отказаться от гонорара в соответствии с гильдейским уставом.

На площади повисла мертвая тишина.

Купец Бренно посмотрел на нее так, будто она заговорила на языке заморских драконов. Затем лицо его налилось густой краской, он шагнул вперед, стреп Вику в медвежьих объятиях вместе с ее пыльным платьем и так стиснул, что у нее затрещали ребра.

— Какая претензия, дуреха?! — взревел он на всю площадь, утирая слезы рукавом. — Какая претензия, родная ты моя?! Сына вернули! Свадьбу спасли! Жрецы, трубите в рога, мы начинаем!

Он выхватил из-за пояса тяжелый кожаный кошель, звякнувший так весомо, что у проходящих мимо стражников вытянулись лица, и всунул его в руки ошеломленной Вике.

— Тут сорок грошей! И десять золотом поверх за Пауля! А грамоту давай сюда, я ее собственной кровью подпишу!

Гербовая печать гильдии кожевников и личная подпись купца легли в третью строку нашего деревянного реестра с таким смачным треском, что дощечка едва не треснула.

Три из семи.

Когда мы вернулись на улицу Медников, солнце уже клонилось к закату, заливая мостовую мягким медным светом.

В лавке пахло смолой, чистым деревом и сухим теплом. Печь была аккуратно обмазана свежей серой глиной, сохнущей без единой трещинки. На окне вместо рваной холстины красовалось новенькое круглое стекло в чистом свинцовом переплете. Новая ясеневая полка сидела на стене мертво, притянутая к кладке четырьмя коваными болтами с полированными шайбами.

Клим сидел на верстаке, собирая инструменты в саквояж.

Услышав хлопок двери, он поднял голову, окинул нас внимательным взглядом — Викину пыльную юбку, мои испачканные глиной руки — и чуть заметно улыбнулся уголком рта:

— Вернули?

— Вернули, — устало выдохнула я, падая на табурет и с наслаждением стягивая кеды с гудящих ног. — И козу, и барчука в придачу. Клим, какая же она тяжелая, эта скотина рогатая...

Вика подошла к прилавку, положила тяжелый кошель с серебром на полированное дерево и медленно, торжественно опустилась на второй табурет. Лицо ее выражало абсолютное, выстраданное величие.

— Заказ номер три закрыт с перевыполнением финансового плана на двести процентов, — отчеканила она, хотя голос слегка подрагивал от пережитого стресса. — Господин Тарен, ваш акт о завершении работ готов?

— Готов, — Клим подал ей аккуратно исписанный лист пергамента с чертежом дверной коробки и угла наклона трубы. — Все шестнадцать пунктов устранены. Запас прочности несущих конструкций увеличен вдвое. Инспектор Вейр может приходить хоть с осадным тараном.

Колокольчик над дверью тихо звякнул.

В лавку вошла Серафина Орм.

Она была в своем парадном темно-зеленом платье, с начищенной гильдейской цепью на груди. Женщина молча прошла по залу, провела пальцем в перстнях по новой полке, с силой навалилась на нее всем своим немалым весом — полка даже не скрипнула. Затем подошла к печи, проверила тягу, толкнула ногой порог и, наконец, повернулась к нам.

В ее цепких глазах читалось редкое, почти невозможное для беллорского купца чувство: искреннее уважение.

— Надо же, — хмыкнула она, бросив взгляд на Клим. — Тарен, ты превзошел сам себя. Даже косяк по отвесу выставил, зануда.

Она перевела взгляд на нашу деревянную дощечку, где красовались три жирные сургучные печати: казначейства, суконщиков и кожевников.

— Слухи по Верхнему рынку бегут быстрее весенней воды, — сказала купчиха, доставая из кармана плотный конверт из плотной кремовой бумаги, запечатанный лиловой восковой

каплей. — Бренно на радостях напоил всех нищих у храма и орет на каждом углу, что на улице Медников сидят святые девицы, видящие сквозь стены.

Она положила конверт на дубовый прилавок прямо перед Викторией Сергеевной:

— Завтра вечером старшина купеческой гильдии дает закрытый прием в загородной усадьбе. Сливки города: оптовики, гильдейские судьи, заморские негоцианты. И Лавента Ферр там будет со своим «Домом надежных исходов».

Вика мгновенно подобралась, ее спина выпрямилась, как стальная пружина:

— Лавента Ферр?

— Наша главная городская консультантка по сложным делам, — усмехнулась Серафина. — Держит салон на Золотой набережной, берет золотом, берется только за дела первой категории. Она считает вашу лавку цирком для бедноты. Докажите гильдии, что это не так.

Купчиха развернулась к выходу, но у самых дверей оглянулась на меня:

— Платье себе справь, Надежда. В ромашках на купеческий вечер не пускают. Даже святых.

Дверь закрылась. В тишине лавки конверт из дорогой бумаги казался золотым слитком, брошенным посреди стружек.

Вика медленно протянула руку, коснулась лилового сургуча кончиками пальцев, и глаза ее вспыхнули тем самым холодным, опасным пламенем, которое я знала слишком хорошо.

— Высшая лига, Надя, — прошептала она. — Настоящий рынок. Мы идем знакомиться с конкурентами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.